

18+

Границы текстового поля

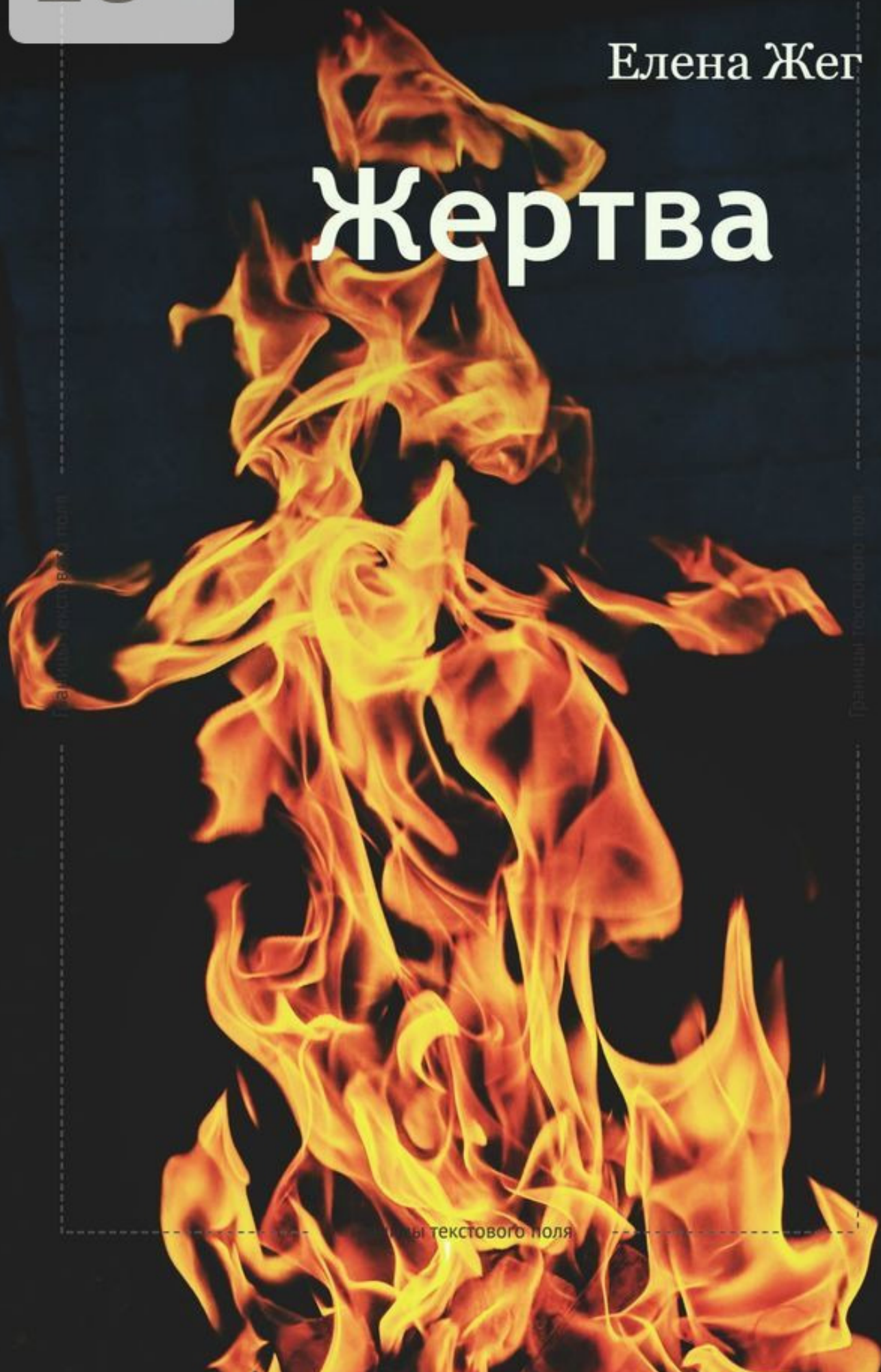
Елена Жег

Жертва

Границы текстового поля

Границы текстового поля

Границы текстового поля

Елена Жег

**Жертва. Между долгом
и человечностью**

«Издательские решения»

Жег Е.

Жертва. Между долгом и человечностью / Е. Жег —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909116-1

В мире, где убийство младенцев — норма, будущей матери предстоит решить, какова её правда. Решится ли девушка пойти против вбитых с детства догм? Против всех? Жестокий карикатурный мир религиозной антиутопии «Жертва» заставит задуматься над тем, чему мы привыкли верить безоговорочно.

ISBN 978-5-44-909116-1

© Жег Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Жертва Между долгом и человечностью

Елена Жег

© Елена Жег, 2021

ISBN 978-5-4490-9116-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Недостаток средств существования может ограничивать предел дальнейшего размножения, что выражается только одним – уничтожением большей части детей.

А. Смит

Предисловие

Из перепечатки аудиозаписи собрания Совета №082145:

Глава отдела разведки: Послушайте, в словах этого парня есть очень дельные мысли! Нам и правда пора уходить от поддержания населения в сторону... Кхм... время заселять новые территории, расширяться! Да и заражённые земли давно пора проверить. А для этого тоже нужны ресурсы! И в первую очередь – людские. И потом, наши базы не справляются! В Мертвых городах уже ни черта не осталось! А потребление-то всё растёт, и мы даже не можем себе позволить его снизить!

Министр здравоохранения: Точно... Вечных детей нужно вечно занимать! И контролировать...

Неразборчиво: У вас семь пятниц на неделе... Только один уклад прочно вошел в жизнь, всё устаканилось, решили по новой все сломать?

Глава отдела разведки: А вам нравится то, чего мы достигли? Может быть, Вы с гордостью называете себя убийцей?

Министр обороны: Не передергивайте!

Глава отдела разведки: Хорошо, но можете ли вы с уверенностью сказать, что революция не единственный выход из того, что мы сотворили?

Министр образования: Хотели же, вроде, разрешить им собак? Чем не выход? Может научатся хоть о ком-то заботиться?

Несколько голосов: Да голодом их заморят, наверняка!

Глава отдела учета ресурсов: С собаками тоже потом поэкспериментируем. На них придется много пищи выкинуть зазря...

Глава промышленного комплекса: Наша задача, обеспечить выживаемость. Возможно, стабильность тут и не помощник! Давайте позволим парню попробовать!

Профессор: Я согласен, это один из лучших проектов за последнее время и как нельзя грамотно вписывается в профиль выпускника. Он ему подходит, а сам малец подходит нам. Каков бы ни был исход проекта, он будет выгоден нам в любом случае!

Глава правительства: Тогда – решено. Утверждаем! Пригласите юношу назад!

***

Пять ступеней вдоль облупившейся и засаленной голубой стены. Лестница была замызгана тем больше, чем ниже опускался взгляд. Квадраты стекла в ветхой двери, покрытой трещинами, насилу держались. Ржавая ручка давно сломалась и безвольно болталась, громко стелая, если случится потянуть за неё. Двигаясь, дверь осыпала пол ошметками белой краски, будто клоками сбрасывала кожу.

Внутри то там, то здесь вспыхивали и гасли, неисправные люминесцентные лампы. Они все время жужжали и ужасно раздражали. У нескольких же еще рабочих, но тусклых и бледных светильников тучами роились мухи. Зато в полумраке не так бросались в глаза плешивые желтоватые стены, сплошь покрытые черными пятнами грибка. Было напряженно тихо, а доносившееся из-за дверей эхо разговоров, шуршание и иногда, очень редко, смех медсестер (такой неуместный и громкий) только усиливали волнение.

Сразу при входе, не отмеченном никакой вывеской, просыпалось страстное желание убежать прочь. У всех входящих неизменно рождалась эта трусливая мысль. Но *нужно*...

Вера – молодая девушка в простеньком сером платье – смахнула с сидения таракана и безразлично уселась на самый краешек холодного металлического кресла. Обвив руками живот,

ссутилась. Нога её дёргалась от страха и волнения, а в глазах и движениях сквозила неловкость, стеснительность и стыд.

Никогда не угадаешь сколько придётся ждать, пока вызовут. Порой пациенты проводили в коридоре по несколько часов, слушая, как болтает медсестрица с врачихой. Минуты текли медленно, словно в часах вместо песка клейстер. Жужжание, моргание ламп, приглушенный стук каблучков, разговоры, разговоры, разговоры...

Наконец дверь, визжа, распахнулась. Повеяло сыростью, плесенью и спиртом.

Давно уже знакомая медсестра Елисавета, крупная, красная, с чуть заплывшим, хоть ещё и красивым лицом, дежурно улыбнулась. Вера скривилась в ответ. Они виделись каждое посещение и раз за разом медработница обращалась к девушке подчеркнуто презрительно.

– А, снова ты, – бесцветно произнесла Елисавета и пошла вглубь кабинета, бросив через плечо, – заходи.

Внутри стоял допотопный стол, неряшливо заваленный картами, справками и бог весть чем – рабочее место помощницы врача. Сестра села и принялась раскидывать бумаги в поисках нужной карты. Она сильно шурилась под удручающе-жалким освещением настольной лампы.

Придвинутая к столу, деревянная ширма со стеклами, залепленными старыми, выцветшими газетами, скрывала от посторонних глаз гинекологическое кресло. Также было наполовину залеплено и грязное окно, пропускавшее лишь линияемое подобие дневного света. Сквозь ширму, однако, проглядывался тощий силуэт врача.

Вера здорово нервничала и от того переминалась с ноги на ногу, отвлекая себя рассматриванием выщербленных половых досок и блеклых, пузырящихся анатомических постеров.

Елисавета махнула рукой на перегородку:

– Проходи, – все также монотонно выдавила она и начала заполнять Верину карту.

Девушка зашла за ширму. Нервно взглянула на обшарпанное кресло, оглядела стеклянный стол, на котором с педантичной аккуратностью, были разложены, стекла, зеркала и другие медицинские приспособления. Черноволосая врачиха лениво следила за ней взглядом, пока Вера раздевалась и залезала в кресло.

Вопреки всем мольбам, осмотр был долгим и местами болезненным. Врачиха, задумчиво переминалась с ноги на ногу, все тщательней проверяя девушку. Маленькие туфельки на каблучках глухо стучали об пол. Детально выведенные брови гинеколога то строго встречались на переносице, то вдруг резко взмывали куда-то за челку и также быстро возвращались на место. Хмурая сосредоточенность её не на шутку испугала Веру. Она уже готовилась услышать что-нибудь страшное, когда врач с тяжелым вздохом откинула перчатки и устало произнесла:

– Похоже, ты беременна.

Вера, возликовав, мгновенно вспыхнула, восторженно взглянула на неё и вновь перепугалась. Счастливо заколотившееся сердце ёкнуло: врач страшно переменялась в лице – она широко улыбалась! При этом мерещилось, будто глаза её оставались колючими, злыми или того жутче.

Елисавета, едва услышав новость, вбежала за ширму и, не менее широко улыбаясь, проворковала:

– Собирайся, милая, я проведу тебя в спецотделение.

Вера вконец растерялась: она неловко засуетилась, пытаясь одеться. Совладав с собой, девушка, из вежливости, поблагодарила врача, и почти выбежала в холл.

Медсестра двигалась по полу-пустым коридорам поликлиники упруго-подпрыгивая, быстро, даже сурово, как таран, при каждом шаге разворачивая корпус, словно продиралась сквозь толпу. Округлые икры, выглядывавшие из-под серого медицинского халата, напряженно раздувались.

От её стремительного движения бумаги и прочий мусор, застилавший пол, разлетались с мягким шелестом. Вера, отдавшись благодным мечтаниям и совершенно ничего не замечая вокруг, в счастливом умиротворении, просеменила вслед за ней вдоль бесчисленного количества этих, тусклых, полу заброшенных, покрытых пылью коридоров. Не заметила она и того, как аккуратно, почти трепетно потянула очередную ручку Елисавета.

В глаза ударил неожиданно яркий свет. Вера вздрогнула и закрыла лицо ладонью. Осторожно сделав щелочку между пальцев, она уставилась на висящий под потолком огромный, яркий и приторно-радужный плакат-растяжку, гласивший:

«Шаг в новую жизнь!».

– Слышал? Двенадцатилетки говорили, что на берег труп выбросило! – Вера восторженно встряхнула каштановыми, чуть отливающими медью кудряшками, едва не окунув их в стоящую перед ней тарелку с кашей.

– А что такое труп? – Гарник – лохматый и щуплый мальчик пяти лет – повернулся к подруге и положил ложку на покрытый затертой клеенкой стол.

В помещении, вмещавшем больше тысячи детей, стоял такой гвалт, что друзья скорее угадывали слова, чем слышали их. Хотя, чтобы понять друг друга, им не нужно было говорить вообще.

– Не знаю, но они сказали, что он синий! Наверное, здорово смотрится! Давай сходим посмотрим?

От предвкушения приключения девочка аж подпрыгнула на длинной, тянущейся вдоль всего стола скамье.

– Куда? – Гарник поперхнулся. Его тоненькие мальчишеские коленки, торчащие из-под синих шортиков вздрогнули.

Вера, закатила глаза и покачала головой:

– Ну ты что?! На берег! Они говорили убирать будут, так что нужно срочно сбегать, а то не увидим!

Девочка с самым воодушевленным видом ободряюще кивала кучерявой головкой в такт словам.

– Нам запрещено ходить одним на берег, забыла? – пробурчал мальчик, опуская стремительно краснеющее лицо.

– Ты хочешь увидеть труп или нет?

Вера уперла руки в бока и требовательно, исподлобья, как это умеют делать только маленькие смысленные девочки посмотрела на Гарника.

– Твои затеи всегда плохо заканчиваются... – уклончиво залепетал послушный мальчишка.

Ему ужасно не хотелось нарушать запреты:

– Воспитательница говорит, на берегу опасно...

Вера надула губы. Потом показала язык и кичливо заявила:

– Ну и оставайся! Я сама пойду. Одна!.. И тебе не расскажу, что видела!

Она повернулась к другу спиной и, засунув в рот полную ложку, принялась напористо жевать. Гарник не находил себе места. Несколько мучительно-долгих секунд он елозил на скамье, затем не выдержал и прошептал:

– Ладно... Идем вместе... – и тяжело вздохнул, отодвигая тарелку.

В беспорядочном шуме огромной столовой их разговор по-прежнему никому не был интересен.

Мальши стояли у сетки забора, отделявшей песчаную пляжную линию от игровых площадок и сельско-хозяйственных заделов, где совместными усилиями дети уже убрали большую часть урожая.

– Ну и где этот твой труп? – насупившись проворчал Гарник.

– Пока не знаю, – ответила Вера, сосредоточенно оглядывая местность.

Внизу, под небольшим, но довольно крутым песчаным склоном, плешиво покрытым мелкими кустиками, открывалась пляжная коса. Мелкие волны, раскачивали её, ровняя на свой лад. То там, то здесь красовались зеленые заросли кустов.

– Идем? – одними глазами спросила девочка, наконец.

– Идем... – покорно вздохнул друг.

Разве можно было теперь отказаться? Вера отодвинула «секретный» камень, подкопала песок прихваченной лопаткой и пролезла под сеткой.

– Кажется, вон там какое-то бревно, – сказала девочка. – Может быть труп за ним?

И не дожидаясь, пока Гарник как следует отряхнется, рванула с места вниз по обрывистому склону к воде. Маленькие ножки вязли в песке, но врожденный авантюризм не позволял ей остановиться. Сверху их запросто могли увидеть, оттого Вера бежала во всю прыть.

Гарник старался поспевать за ней следом. Он все время спотыкался и падал, тихонько, боясь обнаружить себя, звал подругу, отчаянно требовал подождать его и в конце концов совершенно выбился из сил. Когда они добежали до места, укрывшись за кустами, по щекам его текли слезы.

Едва мальчик настиг Веру, как кинулся на нее сзади, повалил и принялся колотить. Девочка легко скинула его, затем, придавив телом, выдала несколько оплеух. Потом вскочила и ошарашенно-обиженно воскликнула:

– Ты чего это?!

– А нечего меня бросать! – надрывно завопил Гарник, глотая слезы.

Он вновь принялся отряхивать со штанишек песок.

– Я вообще с тобой больше не пойду! Ходи теперь одна раз ты так, понятно!

Вера склонила голову на бок, сочувственно посмотрела на мальчика, а затем вдруг обняла его.

– Не расстраивайся, – сказала, погладив, – я больше так не буду. Честно.

Гарник всхлипнул еще несколько раз, потом отодвинулся, утирая нос рукавом и, выпрямившись, спросил:

– Ну? Идем чтоли?

И они двинулись дальше, хоронясь под ветвями кустов. Когда «бревно» оказалось в нескольких десятках метров от них, мальчик удивленно воскликнул:

– Так ведь это человек! Спит чтоли?.. Эй, дядя! Здесь нельзя спать! Здесь опасно!

Вера легонько коснулась ладони Гарника, призывая замолчать, посмотрела серьезно и крадучись двинулась к телу, но вновь остановилась, когда их разделяла пятерка шагов.

– Он словно шар! – ахнула она.

Гарник широко раскрытыми глазами, не в силах отвести взгляд, смотрел как мухи роятся вокруг тела, садятся, облепляя натянутую голубоватую кожу. Вера нашла на песке палку и двинулась к мертвецу. Мальчик схватил подругу за руку и повис всем телом, пытаясь остановить. В глазах его плескался такой ужас, что Вера замерла.

– Не ходи, – выдал он и зажмурился. – Идем отсюда, мне страшно!

Вера хотела было что-то ответить, но вдруг пригнулась, прислушиваясь. Порыв ветра донес крики и смех старших детей.

– Прячемся! – скомандовала она и изо всех сил потащила за собой остолбеневшего друга в ближайшие кусты.

Едва они укрылись как на берегу показалась группка мальчишек из старших. Человек шесть в длинных болотно-зеленых комбинезонах и темных рубашках. Они подошли ближе, надели ватные маски, достали перчатки.

– Как мне надоели эти мертвые изгнанники! – зло сплюнул самый длинный, прыщавый мальчишка, прежде, чем надеть маску.

– И правда, вот бы их поменьше выслали! Недотепы, не могут по закону спокойно жить, а нам мучайся! – подхватил другой, тощий и маленький, шамкая сквозь толстую маску.

Они накинули мешок на труп, вшестером натужно приподняли и переложили на грязные, заляпаные брезентовые носилки.

– Взяли! – скомандовал самый крупный из них, подхватывая ношу за передние ручки.

Вены на его шее вздулись от натуги, как и у всех остальных. Но вшестером они бойко поволокли труп с пляжа.

Вера и Гарник, испуганные тем, что их едва не поймали, долго еще просидели в кустах, боясь даже шевелиться. И только много времени спустя, двинулись следом.

Они с трудом поднялись по крутому склону. При том девочке приходилось то толкать друга сзади, то оббегать и тащить за собой. Наконец, они вскарабкались наверх и почти проползли уже под забором. Вера, как всегда пролезла первая и выбравшись из-под сетки, намерилась помочь мальчику, но тут сильная рука дернула её за плечо. Девочку резко развернуло, она едва устояла на ногах.

– И что это вы здесь делаете? – одна из воспитательниц вперила в детей гневный взгляд.

Подкрашенные яркой помадой губы, собрались в узелок. Зализанные короткие волосы, торпорщившиеся у самого воротника, слегка растрепались. Одна прядь вылезла на узко прищуренные глаза. Вид у нее был донельзя гротескный.

Вера быстро вытянула замешкавшегося друга из-под забора. Оба молча, как полагается, встали, опустив головы.

– Опять какую-то чушь придумали, так?! Что за глупые дети! Куда вас опять понесло?! Отвечайте!

Гарник скосил испуганные, полные отчаяния глаза на подругу, не зная что говорить. Девочка задорно моргнула ему, пряча улыбку, в глазах плясали бесенята. Засунув руку в карман, она вытащила пару покрытых песком ракушек и протянула воспитательнице, невинно хлопнув ресницами:

– Вот...

Гарник едва не подавился от изумления. Когда только успела?!

– Что вот?! – завопила та.

Выщипанные брови раскидало по ее лбу, как после взрыва.

– Ракушки собирали для поделки по природоведению... – ответила Вера, мило сморщив носик.

Воспитательница вздохнула и строго процедила:

– Нельзя ходить на берег одним! Вы ничего не знаете и не можете решать сами, куда ходить. Нужно спрашивать прежде, чем сделать, это понятно?

– Да! – хором ответили друзья.

– После обеда, вместо игр, работаете на грядках в наказание! Нужно слушаться старших!

– Хорошо! – вновь слаженно кивнули малыши.

Воспитательница покачала головой, на секунду задумалась, «переключая программу» (в уме у неё, должно быть, в это время всплывали возможные варианты педагогического завершения разговора, втолкованные во время обучения) и продолжила уже совсем другим, поставлено-ласковым тоном:

– А теперь идите помойте руки и оботрите ботинки. Пора на занятия!

После такого эмоционального всплеска, теперь в глазах женщины плескалась беспросветная тоска. Это скрылось бы от погруженного в себя невнимательного взгляда взрослого, но не укрылось от любопытного, всепоглощающего, пытливого глаза ребенка.

– Мне кажется она нас ненавидит... – сказала Вера, когда они бросились бегом к умывалке.

– Конечно! – подтвердил Гарник. – Это все знают...

* * *

Едва Вера успела перевести взгляд от радужного плаката, как перед её глазами материализовалась очаровательная рыжеволосая женщина в сияюще-белом медицинском халате.

– Я рада первой приветствовать тебя в нашем отделении Благословенных!

Честнее будет сказать, она спешно выбежала из какой-то каморки и заняла заученную стойку: чуть наклоняясь и протягивая к посетительнице обе руки. Несмотря на явную постановку, девушка впечатлилась.

– Если ты здесь, значит, Господь отметил тебя! Поздравляю!

Женщина была необыкновенная – совершенно особенной красоты. Она принадлежала числу тех особ, возраст которых невозможно определить «на глаз». Можно было с легкостью дать ей как двадцать, так и, скажем, тридцать пять, что несомненно добавляло какого-то загадочного шарма.

Она крепко сжала Верины ладони, в равном приветствии.

«Дьявол!» – Вера уничижительно посетовала на свои влажные от пота, грубые руки, ощутив теплое рукопожатие, мягкую, бархатную кожу обхвативших ее кистей.

– Меня зовут Ангелина, – представилась новая знакомая и участливо заглянула девушке в глаза.

Вера с удивлением ощутила, что восторгается приветствующей. Такая женщина не могла не вызвать восхищение. Она, казалось, излучала тепло всем своим существом. Им была заряжена каждая спиралька ее густых янтарных волос, спадающих на высокую грудь; им светились широко расставленные голубые глаза, подчеркнутые густыми, чуть подкрашенными ресницами. Ее мягкие розовые губы растягивались в нежной улыбке, открывая крупные острые зубки.

Резкая перемена обстановки после мертвых, грязных коридоров, внезапное знакомство и, казалось, неподдельное дружелюбие женщины несколько выбили Веру из колеи. Она боялась разрушить магию момента и потому стояла не шевелясь и почти не дышала. Взгляд девушки зачарованно блуждал по маленькому заостренному к подбородку кукольному личику Ангелины, гладкую, матовую кожу которого, казалось, обошли печали и тяготы жизни.

Тем временем женщина продолжила, взяв Веру под локоток:

– Идем, я все тебе покажу!

И царственно шагая, она повела девушку по широкому коридору, обшитому светло-желтыми пластиковыми панелями.

– Здесь у нас родильное отделение... это кабинет консультанта-психолога, если у тебя возникнут вопросы или просто желание поговорить. А вот слева кабинет твоего лечащего врача, обрати внимание... здесь туалет, запомни, пригодится.

Девушка только успевала поворачивать голову, пытаясь запомнить по порядку одинаковые, аккуратные белые двери. Она еще не до конца верила в реальность происходящего. И старалась впитать всё что видела, как будто боялась проснуться, забыть прекрасный сон.

Ангелина меж тем, несмотря на высокие каблуки, шла быстро, не давая Вере зевать. Последняя семенила следом, безрезультатно пытаясь приноровиться к шагу спутницы. А сбросить руку – острожничала.

Девушке нравилось такое особенное панибратское внимание. И всё же, она, с непривычки, каждый раз шарахалась, когда Ангелина, болтая без умолку, по случаю, то ненавязчиво

касалась её руки, то дружески поглаживала спину, то, с материнской заботой, убирала выбившуюся прядь. Правда потом стыдливо, словно нашкодивший пес возвращалась, позволяя себя погладить.

«Идиотка дерганая!» – ругала она себя.

А внутренний критик где-то глубоко подковыривал по другому поводу:

«Такая послушная, наивная, аж противно», – пока она мило и счастливо улыбалась, впечатленная вообще всем вокруг. Веру и удивляла, и пугала, и радовала чистота отделения, непривычное обилие света, уют и лоск помещения, особое, доброе отношение встречающей. Девушка, как могла, старалась соответствовать: попыталась выпрямиться, подняла голову, хоть и было неловко.

У очередной белоснежной пластиковой двери Ангелина, наконец, остановилась. Она развернулась к Вере лицом и вновь взяла её ладони в свои:

– Теперь ты Избранная! – важно сказала она и широко улыбнулась.

«Не может быть!» – чуть не взвизгнула та в ответ. Веру словно бы гелием наполнили – она готова была взлететь. Просто не верилось, что всё свершилось!

Правда в желудке отчего-то гадко щипало: казалось, где-то за поворотом поджидает ужасное разочарование. Ну не могут же её дела быть так хороши!

– Это большая честь, запомни! – добавила Ангелина и передернула плечами. – Путь к отпущению грехов не открывается кому попало!

Вера так давно к этому шла, что страшно загордилась! Несмотря на все опасения, на шквал контрастных эмоций и чувств, что топил её всё это время, девушка прочувствовала, что принята, что стала частью большого живого организма, что она нужна. Иначе быть не могло – это требовалось как воздух её стонущей от одиночества душе.

– Теперь у тебя появилось бесценное право посещать наши собрания. Традиционно встречи проводятся здесь...

Ангелина открыла дверь, не издавшую и шороха, и легонько похлопала Веру по спине, побуждая войти.

Девушка покорно ступила в огромный, обитый настоящим деревом зал и ахнула, не в силах устоять перед роскошеством увиденного. Уютное просторное помещение до краев наполняли светом панорамные арочные окна, убранные воздушным, струящимся тюлем. Вера знала, что такой ткани сейчас не делают нигде. И значит этот нежнейший тюль, пришел из далекого прошлого и стоил баснословно дорого.

Вера не устояла перед соблазном коснуться его. Она торопливо пересекла зал, огибая металлические сиденья. Гулкое эхо шагов разрезало стылый воздух. Трепетно-аккуратно девушка тронула нежнейшую материю кончиками загрубевших пальцев. Ощутить необыкновенную мягкость древней ткани было в эту секунду самым сильным её желанием.

«Имея один только лоскуточек, можно путешествовать безбедно полжизни!» – сокрушалась она.

И тут же молниеносно, где-то на грани сознания пролетела цепочка мыслей. Первая алчная: «А что если украсть?.. Да, да, да!».

Затем трусливая:

«Заметят же! Я ведь трогала, значит мне понравилось... Поймут!».

А последней была жалкая мыслишка:

«Зачем только потрогала! Теперь нельзя. Догадаются. И я ведь новенькая... На кого же еще думать?!».

Вера удрученно отпустила занавеску и быстро отступила. От навязчивого желания украсть дорогую ткань затикали кончики пальцев. Всё тело будто зудело. Она не страдала kleptomанией, просто с таким богатством доступно висящим перед носом сталкивалась впервые. Девушка стала напряженно оглядываться вокруг, чтобы отвлечь себя от липкого наваждения.

Прямоугольный зал был в значительной мере заполнен аккуратными рядами удобных кожаных кресел с металлическими ножками. У дальней стены стояли несколько уютных пузатых диванчиков. Над ними каскадом висело три иконы, с которых грустно взидала Дева Мария. Их окружало множество ухоженных комнатных растений. Все они были без цветов, но благодаря ало-красному ободку у листьев, делали помещение торжественно-нарядным.

Во всю длину противоположной стены, выделенной под сцену, был установлен электрический камин, за стеклом которого водили хороводы веселые язычки искусственного огня. Над ним красовался плакат, аккуратно выведенный от руки: «Все по закону очищается кровью, и без пролития крови не бывает прощения¹».

С потолка свисали шесть хрустальных люстр. В свете солнца, они блистали, переливаясь всеми цветами радуги, словно капельки дождя замершие в полете.

Это была самая прекрасная комната на острове и теперь Вера могла на законных правах её посещать! Не будь никого рядом, девушка даже осмелилась бы сплясать танец ликования!

– Быть может, ты хочешь чай?

Ангелина по-прежнему стояла в дверях, расслабленно опираясь на косяк, и внимательно наблюдала за новенькой.

– Нет-нет, спасибо, – засмузилась девушка и тут же подумала:

«Черт! Как дурочка маленькая!».

Наставница весело рассмеялась:

– Думаю, на сегодня с тебя уже хватит потрясений, поэтому встречу с лечащим врачом отложим на завтра. Договорились?

Кивнув самой себе в знак согласия, Ангелина тем и удовлетворилась, но затем продолжила, задорно растягивая слова:

– Хотя, есть еще кое-что...

Женщина вынула из кармана маленькую красного бархата коробочку и напустила на себя важный вид:

– Как я уже говорила, теперь ты имеешь особый статус. Чтобы это подчеркнуть, ты должна носить наш отличительный знак.

Она начала медленно открывать коробочку и Вера в три прыжка преодолела расстояние между ними. Девушка уже знала, что увидит внутри, и не могла сдержать нетерпение. Блеснула явившаяся на свет изящная округлая брошь в виде Цветка Жизни. В его центре был детально изображен крошечный телец – он выгибал спину и выставлял вперед рога. Под животом бычка плясали маленькие, аккуратные язычки пламени, медно-красные с серебристым отливом.

– Эта брошь олицетворяет Христа... – тихим, но отчетливым шепотом, поясняла Ангелина.

Она стала бережно крепить брошь Вере на грудь. Пальцы женщины подрагивали.

– ...крепкого, сильного, терпеливого раба Божьего, несшего тяжкое бремя и принесенного в жертву отцу небесному за нас всех.

Тут она внезапно отпрянула и на миг смутилась. На пол капнула маленькая алая капелька. Ангелина улыбнулась, облизала проколотый палец и с обезоруживающей нежностью произнесла:

– Носи её с гордостью и почтением.

Вера поплыла: зрачки расширились, глаза сузились, подбородок взмыл вверх, грудь поднялась. Это был её триумф! Чувства причастности, собственной значимости, важности захлестнули её, сделав заложником и рабом раз и навсегда.

Не к этому ли стремимся мы все? Не это ли и есть смысл, которого ищут миллионы?

---

¹ Евреям 9:22

Лежа в удобном, словно обволакивающем гинекологическом кресле, Вера всё никак не могла выбросить из головы работу. Пока молодой напомаженный доктор, напевая себе под нос, чутко осматривал пациентку, девушка продолжала прикидывать: сколько еще нужно сделать, чтобы успеть перевыполнить план и получить премиальные; как подшить тот чудовищно-сложный карман; почему девчонки так противно хихикали пол-дня? Она была настолько занята своими мыслями, что даже не вспомнила бы, как вошла, как бегло оглядела небольшую, но просторную комнату, случись кому спросить. Вера, казалось, даже не уловила, что начался осмотр, продолжая прикидывать: какую ткань взять для подкладки спецовок и сколько из рулона получится умыкнуть для личных нужд. А когда врач наконец заговорил, она непроизвольно вздрогнула, выходя из оцепенения:

– Так, милая... Ну-ну... – гинеколог, до тошноты опрятный, добродушно похлопал Веру по торчащей вверх коленке, снисходительно улыбаясь.

Первое, что увидела девушка, взглянув на него – это аккуратно зачесанную, модно уложенную в центр на манер легкого ирокеза шевелюру, до того ухоженную, что прическа оттягивала на себя всё внимание. И только потом обратила внимание на длинный прямой нос, гладкие, по-детски мягкие даже на вид щеки, не тронутые щетиной несмотря на возраст – на вид ему было около тридцати. Когда он говорил, пухлые четко-очерченные губы, увлажнялись и открывали неровный ряд нижних зубов. Темные раскосые глаза блестели при ярком свете люминесцентных ламп.

Многие сочли бы его красивым. Но не Вера. Доктор Сами был невысокого роста, с мальчишескими плечами, однако глядя на него, девушка ощущала себя тщедушной, мелкой, незначительной. И это ощущение давило изнутри, пока врач рассуждал:

– Я бы сказал, шесть-семь недель... Очень хорошо, что ты не затянула с осмотром. Кхм... Надо бы еще УЗИ сделать и тогда сможем точно сказать, посчитать, какой срок.

Резиновая перчатка чавкнула, спрыгивая с тонкой кисти, возвестив о конце осмотра и полетела в мусорное ведро. Вера поежилась.

– Идем заполним твою карту. Вера-Вееерааа, – промурлыкал доктор Сами, вынимая из белого сверкающего хрустальной чистотой стеклянного шкафчика незаполненный формуляр. Девушка неловко слезла с кресла, задев по пути маленький стеклянный столик с различными врачебными приспособлениями в металлических ванночках. По кабинету разошелся резкий лязг. Вера сконфузилась и стала торопливо одеваться. И только ощутив кожей натяжение ткани, начала, наконец, приходить в себя.

Она заметила, какой непривычно небольшой для Благословенного отделения была комната осмотра. И все же помещение казалось просторным – благодаря отсутствию всего лишнего. Вплотную к стене прямо напротив двери, стоял небольшой аккуратный стол, кресло врача, стул; слева – шкафчик, ширма, да гинекологическое кресло. И только. Правда была еще пара небольших медицинских столиков с инструментами, мобильных, постоянно переезжающих с места на место, полка с картами, да в углу у окна притаился стерилизатор, но они комнату не обременяли.

– Какую музыку ты любишь? – неожиданно спросил врач и тут же поднял палец, призывая молчать.

– Не отвечай...

Он прищурил глаз, подумал и, внезапно рванувшись с места, быстро защелкал кнопкой на небольшой магнитоле. Среди многочисленных ровных стопок бумаг, словно по линейке расставленных стаканчиков с ручками и карандашами, она занимала самый краешек стола, теснилась и, очевидно, мешалась. Но, видимо, для доктора магнитола была тем элементом, от которого невозможно отказаться.

– Я уверен, тебе понравится вот эта, – хитро подытожил он.

Зазвучали первые ноты популярной хип-хоп песни и довольно высокий мужской голос принялся выплевывать слова:

Мысли. Ноты. Музыка души.
Сердце стонет, когда не рядом ты.
Яркой волной подступает любовь.
Губы повторяют нежность сладких слов.
Композиция и правда ей нравилась.

Импровизированной лунной походкой доктор двинулся вокруг стола к своему месту. На третьем шаге сбился и пошел иначе, гримасничая и пританцовывая, отставляя то одну, то другую ногу назад.

Вера следила за ним, приподняв бровь, но не двигалась и даже не улыбнулась, а только замерла выжидательно. А врачу ничего, казалось, и не требовалось. Он чётким движением запрыгнул в кресло, крутанул на нем на триста шестьдесят градусов, и довольный собой, вперился в девушку холодными глазами целеустремленного человека. Они одни заставляли Избранную поверить, что перед ней настоящий врач и даже профессионал.

– Итак, Вера, сколько тебе лет?

– Двадцать.

– Слава Богу, – дежурно ответил он, и подавшись вперед, к столу, мгновенно переменялся – стал серьезен. Кивнул, пометил ответ в карте:

– Это первая твоя беременность, не так ли?

– Да.

– Ну, конечно же! Этот вопрос такая формальность! Как будто тут все бы тебя не узнали, будь у тебя вторая!

Он красиво, гортанно рассмеялся и в кабинете словно сова заухала. Вера нахмурилась, ощущая какое-то напряжение. Она никак не могла ухватить истинное настроение врача, который постоянно менялся, словно перетекая из одного состояния в другое. От этого ей мерещилось, будто её «прощупывают».

Тем временем врач, не отрываясь от заполнения карточки и не поднимая взгляда, задал следующий вопрос:

– Ты уже думала, какую судьбу хотела бы ребенку, которого носишь?

И едва заметно выдохнул.

Вера ждала этого вопроса с нетерпением, к нему она готовилась, причем сильно загодя. Еще прежде чем узнала, что беременна. Поэтому она гордо выпалила на одном дыхании, даже чуточку раньше, чем доктор замолчал:

– Я бы хотела отдать его Господу!

– Слава богу! – буднично возликовал доктор. – Но ты же понимаешь, что не всегда все идет как хочется?...

Он, наконец, оторвался от бумаги и, как будто улыбаясь, внимательно посмотрел Вере в глаза.

– Конечно-конечно, – торопливо перебила девушка, – А когда я смогу об этом узнать?

Доктор отложил ручку, и надул щеки, выдерживая небольшую паузу:

– Тут все индивидуально, – произнес он, наконец. – Возможно, что уже после первых анализов. На тринадцатой неделе мы проведем первое УЗИ и возьмем кое-какие пробы. Если результат будет не ясным, то процедура повторится еще дважды. Впрочем, она в любом случае повторится: в двадцать недель и в тридцать две. Если же мы не сможем понять Божье Благоволение во время беременности, то тогда ты узнаешь об этом не раньше, чем родишь. Хорошо?

Вера кивала, жадно внимая, и ёрзала на стуле от нетерпения.

– Да, конечно. На всё божья воля, – сдавленно произнесла она, автоматически молитвенно складывая руки.

– Ну вот и молодец! – обрадовался врач, сверкнув металлом серых глаз. – Ты уже знаешь, что тебе полагается?

– Не-е-ет...

Вера выглядела удивленной, но в глубине ее глаз успели загореться два алчных огонька. «Мне что-то перепадет?..» – она подалась вперед и задержала дыхание.

Из магнитолы продолжала играть все та же нехитрая песня:

Огни. Звуки ночи. Танец до утра.

Так сводит с ума твоя простота.

Меня составляют сотни мелочей,

Не купить лишь время и свет твоих очей.

– О, так это же самая приятная часть! Привилегии! – доктор Сами наклонился к Вере и заговорщически сощурил глаза, – Как ты думаешь... Нет, вернее, чего бы тебе хотелось?

– Ну.. Я..

Вера вспыхнула и, мгновенно уменьшаясь, вжалась в кресло.

– Не стану тебя мучить, – тут же махнул рукой врач, – В первую очередь, теперь тебе положена увеличенная порция еды!

Он замолчал и деланно улыбнулся, подчеркивая важность сказанного. Не то чтобы раньше Вере приходилось голодать, но и роскошного пира она в жизни не видывала. Строго установленный паек позволяет съесть ровно столько, сколько требуется организму – никаких излишеств, никакого переедания. Но к режиму быстро привыкаешь и, кроме того, он позволяет держать себя в форме. Однако от добавки глупо отказываться и Вера согласно пискнула:

– Вау!

Доктор Сами кивнул и продолжил:

– Во-вторых, ты можешь отправиться в отпуск в любую точку мира за счет Благословенного отделения!

Вот тут у девушки по-настоящему перехватило дыхание от восторга! Она так давно мечтала посмотреть мир! Но цены на поездки были просто заоблачными – нужно было копить как минимум год, чтобы отправиться в самый дешевый тур, а копить Вера совсем не умела.

– Но и это еще не все! – ликовал врач. – Теперь ты будешь больше зарабатывать! До тридцатой недели, правда. А после – будешь трудиться по урезанному или вовсе свободному графику с сохранением нынешней, я имею в виду еще не увеличенной, зарплаты. Как тебе это?

– Здорово конечно!

Но Вера мыслями была уже в отпуске. По-настоящему ей было не до зарплаты.

* * *

Гарник аккуратно, очень педантично вывел в прописи очередную закорючку, оглядел результат и остался доволен работой и целым собой. Преисполненный гордости, он повернулся к Вере. Они вместе вот уже около часа, грелись на зеленом пригорке приятно удаленном от блоков и всей жизни острова. Слева в нескольких метрах шумел, старый скучный дуб, большой, заботливый, когда случается на него залезать, но крайне невнимательный к посетителям – то желудем в лоб метнет, то гусеницу за шиворот надует. Поэтому ребята предпочли растянуться прямо под ласковым солнышком, а не в прохладной тени.

Вера лежала рядом на пузе, задрав ноги в сереньких гольфиках вверх. Выгоревшие на солнце густые, отдающие рыжиной, волосы падали ей прямо на глаза и был виден только вздернутый нос-пуговка, да поджатые губы. Каким-то образом девочка умудрилась собрать всю свою часть клетчатого одеялка в один большой комок и теперь лежала в своем светлом желтом платице прямо на траве. Она почти также старательно выводила в прописи закорючки, как и Гарник только что.

Мальчик сощурил глаза и, улыбаясь во все двадцать зубов, заглянул в тетрадь к подруге. Тут смешинка сползла с юного лица и оно удивленно вытянулось. Глаза округлились:

– Вера! – замахал он руками, бросая свои прописи на покрывало. – Ты чего тут натворила, неряха?! Тебя точно накажут!

Помимо неуклюжих каракуль, вся тетрадь девочки была заполнена неаккуратно-затертыми помарками.

Вера обратила к другу грустный взгляд и, со слезами на глазах, прошептала:

– Гарник, я хочу собаку!

– Что-о-оо?!

– Собаку...

– Что-о-оо?!

– Собаку, Гарник! Прекрати! – всхлипнула девочка.

– Что еще за собака, Вера? Что это вообще такое? Вера, нам завтра прописи сдавать, как мы это исправим-то теперь?!

Он испуганно и ошарашено тыкал в тетрадь пальцем, совершенно не обращая внимания на грустные объяснения девочки, а она всё продолжала:

– Как в том фильме, Гарник... – принялась хныкать подруга. – Вчера. Когда она с кладбища не уходила из-за хозяина! Я тоже такую хочу!

Гарник рассердился:

– Я не знаю никакой собаки! Прошу тебя, напиши прописи хорошо! Не думай о том, чего у тебя никогда не будет!

Вера резко вскочила и выпрямилась во весь рост:

– А вот и будет! – уверенно вздернула подбородок

Гарник последовал её примеру и тоже встал, суровый и неумолимый:

– Нет, не будет!

Вера сверкнула на друга таким уничижительным взглядом, что, казалось, мальчик должен был воспламениться.

– И откуда ты её возьмешь? – сузив глаза, зловредно спросил Гарник.

– У медиков! Им вчера целых двух привезли, понятно!

Вера победно сложила руки на груди. Мальчик замолчал, почесывая подбородок. Задумался:

– Это такие мохнатые, с хвостами? Которые так «иии-иии» в клетках?

– Да-да-да! – воскликнула Вера, часто кивая головой. Мечтательная улыбка озарила девчачье личико.

– Аааа...

И оба замолчали, каждый о своем. Наконец Гарник примирительно сказал:

– Они красивые. Я бы, наверное, тоже такую хотел...

– Может... пойдём посмотрим на них в окошко?

Обычно клетки с животными можно было увидеть только на первом этаже медблока, в лабораторной, смежной с моргом. Там проходили практику будущие врачи и медсестры: препарировали лягушек, крыс и другую мелкую живность, разглядывали и заспиртовывали разные части местных и выловленных трупов. Все это происходило, конечно же, за закрытыми шторами. В корпус нельзя было войти без соответствующего допуска. Эскурсий в лабораторию, естественно, не водили. Но когда только-только привозили новых зверей, шторы слегка приоткрывались...

Этакий импровизированный зоопарк для малышей, негласно создали старшие ученики за спинами воспитателей.

– Ладно...

Гарник еще и договорить не успел, как Вера вприпрыжку рванула вперед, предоставив другу самому собрать их тетради и одеяло. Когда мальчик нагнал её, девчушка уже выискивала щелку в окне, стараясь бесшумно взобраться повыше на металлический подоконник. Она

висела на нем на тонких ручонках, барахтая ногами по белой обветшалой кирпичной кладке, и вглядывалась сквозь пыльное стекло в стык двух выцветших красных штор.

Но щели не было...

Гарник, бросив сумку у стены, тут же присоединился. Он занял второе окно. Подоконники были невысокие – располагались примерно на уровне груди мальчика, давая возможность рассмотреть низ окна. Поэтому мальчик сразу вплотную приклеился к стеклу, закрывшись ладонями от солнечного света. Спустя несколько секунд он громко прошипел:

– На-щёл...

– Где?

Вера мигом соскочила со своего подоконника и вытолкала мальчика с поста. Гарник, схватив подругу за шиворот, оттащил назад и занял прежнее место.

– Я первый нашел! – сказал он и встал, словно каменное изваяние. Вера бегала вокруг, пихая его с разных сторон, пытаясь сдвинуть с места, но друг не поддавался. Наконец, девочка, упорно работая локтями, подлезла-таки к окну и скрючилась прямо под головой Гарника, нависавшего над ней буквой «зю». Щелочка в этот раз была ужасно малюсенькая, едва-едва заметная.

Оба замерли, вглядываясь в темноту. Когда глаза привыкли, ребята разглядели знакомое, тускло освещенное помещение заставленное по периметру различными как по цвету, так и по размеру шкапами и полками. Все они были забиты банками с разными заспиртованными органами. Наверху, кое-как заброшенные, валялись бесчисленные пустые клетки. В углу стояли в ряд сразу три холодильника. По середине комнаты располагались металлические двухъярусные столы, накрытые белой клеенкой. Над одним из них, не накрытым, ярко горела мощная лампа. Вокруг толпились подростки в полиэтиленовых передниках, перчатках и масках. Малыши вглядывались, не пытаясь понять, что происходит, а лишь стараясь найти щенков, как вдруг Гарник заметил: одного из них, полусонного, внесли и стали привязывать, к тому самому столу за все четыре лапки.

– Я его вижу! – восторженно сказал Гарник. Вера согласно угукнула в ответ.

Когда щенка привязали, «медик» стоящий в изголовье, погладил собачонку между висящих ушек и коротко кивнул другому.

– Какой ми... – начала говорить девочка, когда работник неожиданно резко скользнул острым скальпелем по горлу щенка.

Темные глаза малыша расширились, фонтанчиком хлынула кровь. Гарник не сразу понял, что произошло и почему замолчала и вздрогнула подруга. Но спустя несколько секунд и он сообразил:

– ААААА! – заверещал мальчик, отпрыгивая от окна, и упал. Перед мечущимися в паническом испуге глазами всё ещё стояла ужасная сцена.

Вера же не шелохнулась, только побледнела как мел. В этот миг с другой стороны окна резко растворили шторы и на девчушку налетели разъяренные, не менее испуганные, чем она сама медики:

– А ну брысь отсюда! Нечего смотреть!

– Пошла вон, малявка! Ну! Иди отсюда!

Несколько секунд Вера, казалось, не слышала их, затем резко отпрянула, вздрогнула, торопливо развернулась, трясущимися руками помогла другу подняться и вместе они кинулись подальше от лаборатории. Ошарашенные, испуганные, растерянные.

Они неслись, не разбирая дороги, подвывая, заливаясь слезами, пока ноги сами не привели их к пригорку, где рос старый заботливый дуб, клонившийся к земле. Там оба обессиленно упали и, обнявшись у толстого ствола, разрыдались, оплакивая ни в чем не повинные души.

Ночка выдалась тяжелая. Вере не удалось нормально поспать из-за нескольких приступов рвоты, к тому же её постоянно мутило и потому сон был поверхностным и тревожным. В довершение, она проснулась ни свет ни заря и не могла сомкнуть глаз.

Тогда она попыталась «расходиться» и на нетвердых ногах несколько раз обошла свою тесную комнату, плотно заставленную мебелью. Почти половину выделенных девушке четырнадцати квадратных метров занимала большая двуспальная кровать. Чтобы выиграть немного места, Вера развернула ложе поперек помещения и придвинула к окну. Конечно, покупать такую было глупо и дорого, но не смогла она отказать себе в удовольствии спать по-королевски и надеяться, что кто-то присоединится.

В ногах, вплотную к кровати, стояла, подпирая потолок, громоздкая, но донельзя вместительная стенка. Из-за этих двух гигантов совершенно не оставалось места для прохода к окну.

Посмотрев на гарнитур Вера невольно поморщилась, вспоминая, как затаскивала его в комнату и отвернулась. От резкого движения голова закружилась и девушка бессильно опустилась на краешек кровати. Взгляд уткнулся в комод, примостившийся у противоположной стены. Этот старый, обшарпанный, похожий на жука великан казалось дремлет и тихонько пыхтит. Было в нем что-то «живое», какие-то едва уловимые человеческие черты. Должно быть поэтому, невзирая на тесноту, Вера и купила его. До сих пор девушке казалось, что он охраняет комнату и её хозяйку – неспроста Вера поставила комод рядом с дверью.

Избранная спокойно оглядела неаккуратно, беспорядочно торчащие из его недр вещи, пыльную гору косметики, неряшливо расставленную поверх. Затем вновь встала, подошла, провела пальцами по захлавленной, потерявшей блеск глянцевой поверхности и тупо уставилась на проявившиеся неровные полосы. Сознание отказывалось проясняться, в голове не было и отзвука мысли.

С бараньим видом Вера подняла глаза на висящее над комодом зеркало. Изнутри на нее смотрело серое бесцветное существо. В окне за спиной уже отчетливо светало, отчего тень ложилась на лицо девушки причудливым образом – стирая блеск и жизнь из глаз, делая их мертвенно матовыми. Вере потребовалось несколько секунд, чтобы увидеть себя, ужаснуться и испугаться. Тогда она резко развернулась и бросилась к кровати, в спешке ударились ногой о ножку притаившегося у примыкающей стены стола и взвыла. От удара со стола посыпались какие-то безделушки, загудел пустой холодильник.

Вера зарычала от боли, бешенства и бессилия и, хромя, доковыляла до кровати. Легла, закопалась в одеяла и с мольбой, полная жалости к себе, уставилась в серое предрассветное небо. Спустя несколько минут сон милостиво захватил её вновь, хоть и ненадолго. Ей снилось, что она в чужой комнате, сидит против двери, точно зная, что та не заперта и не решается выйти, боится потянуть за ручку. А вокруг десятки безликих пятен, напоминающих людей, снуют туда-сюда, толкают, воют, стонут. Её начало трясти, затем тело сковала судорога. Ужас захлестнул, парализуя, и тут новый рвотный позыв выдернул девушку из кошмара. Она не проспала и часа.

В итоге Вера отчаялась поспать и принялась мытарствоваться, в бесплодных попытках хотя бы найти удобное положение на кровати, ожидая своей очереди в душ. Его она делила с соседями.

Большая редкость и удача, что у них на этаже все восемь квартир-комнатушек занимали холостяки и одиночки. Страшно представить, как за полтора часа успевают помыться, например, шестнадцать человек?! Хотя Вера с удовольствием бы ужалась во времени водных процедур ради дополнительного обитателя в своей клетушке. Живут же люди. Порядок-то везде одинаков. Все пятьдесят блоков общины жили по единому расписанию: в семь тридцать подъем – полтора часа на умывание, туалет, зарядку; с девяти до десяти – завтрак и на работу. Проспал – пошел трудиться невымытый и голодный. Это справедливо и закономерно: вода и еда наперечет.

В душе девушке немного полегчало. Натренировано-быстро она смыла с себя пот ночных страданий, выполоскала тошнотный привкус изо рта и даже немного повеселела.

Но если уж день начался погано, таким ему и быть! Вернувшись в комнату, Вера сразу уловила сладковатый запах рвоты в спёртом воздухе. И едва посвежев после душа, почувствовала новый приступ тошноты. Усталая и раздраженная она наспех собралась, приоткрыла перед выходом форточку и отправилась на завтрак.

– Ой, дорогуша, ну и видок! – захихикала соседка, едва завидела осунувшееся лицо девушки, оттененное черными кругами под глазами.

– Да иди ты!..

Столовая, общая для двух блоков, занимала двенадцатый этаж. Без пяти девять вверх и вниз по лестнице тянулись ровные вереницы ожидающих завтрака.

Едва Вера заняла очередь, мимо стали спускаться четыре монахини их блока и сухонький старик-пастор:

– Доброе утро! Господь с Вами! – басил святой отец, а монахини осеняли крестом всех подряд.

Общинники, вытянувшись в струнку, возводили глаза к небу, кланялись монахиням в подол, складывая руки в молитвенном жесте, крестились и воодушевленно улыбались. Маленькая делегация спустилась к дверям столовой и прошла внутрь.

– Не забудьте помолиться перед едой! – благодушно наставил паству священник от дверей и юркнул в пустое, пока, помещение. Как по мановению волшебной палочки общинники единодушно сбросили образ подтянутых мирян и вернулись к своему прежнему разлетному виду: послышался хохот и мат, возобновились разговоры, тела расслабились, превращаясь в сутулые, растекающиеся, ленивые массы.

Ровно в девять столовая открылась для простых смертных. Очередь размеренно потекла вперед. Порядок соблюдался строго-настрога. В дверной проем могли без помех пройти до четырех человек, но всегда заходили только двое. Традиционно стоящие сверху шли к первым трем раздачам из шести, ожидавшие внизу – к последним. Пара – по одному общиннику из обеих очередей – вставала к своим распределительным автоматам: первый-четвертый, второй-пятый, третий-шестой, первый-четвертый, второй-пятый и так далее до конца. Быстро, четко, слаженно, без лишней суеты и склок. Редких нарушителей выталкивали в конец, а там уже могли и побить. Не от зла, а для порядка: еда – это святое.

Приложив большой палец к детектору, Вера услышала знакомый писк и щелчок. За стеклом раздачи умная машина быстро вывалила в расставленные на подносе тарелки предписанное, точно взвешенное количество еды. Девушка с удовольствием отметила, что и сегодня ей включили десерт – ровно как и обещал доктор Сами. Стекло поднялось, позволяя забрать пищу. На все про все у умного механизма ушло около пятнадцати секунд. Едва Вера успела поднять с ленты свой завтрак, как место занял чистый поднос всё с той же, безошибочно-четко расставленной посудой, а следующий в очереди уже тянулся к сканеру отпечатка.

«Мандариновое танго. У-о-о» – хмуро напевала себе под нос девушка, разыскивая удобное свободное местечко. В достаточно большом и светлом зале столовой, заставленном прямоугольными столами на четыре человека, почти не осталось пустых мест. Вера с тоской посмотрела на двери, за которыми в отдельном помещении вольготно разместились монахини с пастором, и сварливо посетовала про себя, что туда не пускают Избранных. Затем еще раз обвела зал взглядом, натренировано не замечая желтые заляпанные стены, да толстые замызганные колонны.

В этот миг слева её коснулся локтем Иман – парень, лет двадцати пяти – и прокричал в ухо, перебивая шум сотни голосов.

– Привет, красотка! – он залихватски встряхнул курчавой гривой черных волос и хитро подмигнул, – Не лучшее утро?

Широко расставленные карие глаза его обрамляли густые ресницы и кустистые брови; массивный, длинный, очевидно, сломанный когда-то нос, смотрел немного в сторону, заставляя думать о жестоких, неравных схватках; пухлые гладкие губы, нежно выделяющиеся на смуглом, покрытом щетиной лице, идеально очерченные, словно вылепленные талантливейшим из художников, манили, зазывали, обещали... Он был красив мужской несимметричной красотой и, конечно, знал об этом. И пользовался, как умел.

В зале нарастал гвалт, увеличиваясь с каждым отходящим от раздачи, поэтому приходилось почти кричать. Впрочем как и всегда. Беспорядок начинался сразу, едва люди только отворачивались от распределительного автомата.

Вера кокетливо слегка наклонилась вперед и парень подставил ухо:

– Да уж, не то слово! Просто токсикоз замучил...

Как могла небрежно ответила она, но сердце при этом выскакивало из груди. Девушка незаметно стрельнула взглядом на молодого человека, затаила дыхание. Всеми чувствами она старалась ухватить, заранее разгадать его реакцию.

– Да я слышал от одного знакомого, что ты... ну это... беременна. От твоего коллеги. Вы, типа, работаете вместе.

Глаза Веры расширились, ледяная игла разочарования пробила грудь навывлет.

– А... – только и смогла кивнуть.

Иначе она себе представляла их разговор. И его реакцию тоже. В ее мечтах были бурные всплески радости, объятия, клятвы любви и верности. Но, строго говоря, она вообще слишком много мечтала, когда дело доходило до мужчин. Или может, момент был неподходящий?

Глупости! Очевидно, что он давно знает, но даже не потрудился сказать раньше.

«Сама виновата, – пронеслось где-то на задворках онемевшего сознания, – слишком долго тянула!»

Вера боялась сообщать радостную новость. Слишком уж непонятные были у них отношения. Может так даже лучше?..

В его глазах всегда горел лихой огонек, к нему хотелось прижаться, он пах абрикосами и медом, от него веяло силой и свободой, какая бывает у людей, живущих без оглядки и сожалений. Кроме того, в отличие от Веры Иман был популярен и, что вообще не характерно для замкнутых жителей, общителен, даже «крут».

А Вере хотелось сделать его своим, личным. Не понимая, почему такой парень вообще связался с ней, девушка тем не менее тешилась лестью и надеялась приручить красавца.

– Тебе нужна какая-то помощь? – при этих словах Иман нахмурился и слегка отклонился назад.

– Если ты захочешь помочь, то я буду рада, – кокетливо, но немного грустно ответила она, понимая, что вопрос задан просто из вежливости.

– Ну хорошо, зови, как буду нужен! – помотал он головой и начал пятиться к своему столу.

Оттуда ему уже несколько минут махали приятели и подружки. Между собой они не общались и лишь сосредоточенно наблюдали, когда же за стол сядет единственное связующее звено их компании. Иман направился было к ним, но сделав два шага, обернулся, подмигнул и проорал, перекрикивая гомон:

– Ну и если второго решишь, тоже зови! Видишь, с первым же удачно подсобил! – и, рассмеявшись собственной шутке, он отвернулся.

Вера на внезапно потяжелевших ногах добрела до освободившегося рядом места, села, поковыряла десерт и принялась жевать, не разбирая вкуса. Она обиженно наблюдала, как отец ее ребенка ест и болтает, не обращая на нее никакого внимания. И тоска покинутого сердца

холодом сковывала внутренности. Девушка старалась задавить ее, отвлечься, наблюдая за соседями.

А люди вокруг, казалось, совсем не заметили разыгравшейся было драмы. Все разом они разговаривали в полный голос, гоготали не обращая внимания друг на друга и галдели словно насадки в курятнике. Для неподготовленного зрителя зрелище было пугающе контрастным, после слаженной дисциплины раздачи, где все действовали молча, отточенными движениями, будто роботы.

Однако «свежак» быстро втягивался, молниеносно перенимал правила игры. Вера помнила это по собственному опыту. Ведь на детском острове порядки не сильно отличались, даже несмотря на опеку учителей.

Пока девушка тарашилась по сторонам, стараясь заглушить мыслями эмоции, недалеко от столика Имана началась потасовка. Двое мужчин с красными от злости лицами орали и пихались, попутно сшибая ближайшие столы. Два из них уже были перевернуты и бордовые скатерти разметались по полу, обтирая заляпанный кафель.

Люди быстро похватили свои подносы и поспешили отойти подальше от задир. Никто, не приведя Господь, не вмешивался.

Тут Иман встал из-за стола. Выпрямившись во весь рост, он смело, с любопытством посмотрел на драчунов, подумал, затем аккуратно расставил на подносе пустые тарелки и, насвистывая, вышел из зала, не попрощавшись.

* * *

Гарник тяжело переживал, что завалил тест. Задания оказались ему не по зубам, несмотря на всю проделанную титаническую подготовку.

Хотя, положив руку на сердце, больше его грызла злость, недоумение и зависть к подруге. Он никак не мог взять в толк, чего это Вера сдала, а он нет?! Как так получилось? Гарник знал, что подготовился лучше! Он всегда занимался успешнее, красивее лепил, уже читал, легко справлялся со счетными палочками, знал всю программу если не на отлично, то на уверенное хорошо. Так как же вышло, что он не сдал?!

Когда дети только вышли из кабинета, Вера подбадривала друга:

– Да этот тест ничего не значит! Все и без него знают, какой ты умный!

«Конечно, ничего не значит, – думал он, – для того, кто сдал!»

Теперь переполненный грустными мыслями, полностью погрузившись в самобичевание мальчик зло, нехотя тыпал свою грядку.

Трудовой час, обязательный для детей всех возрастов, сегодня превратился в пытку. Группа Гарника и Веры отвечала за прополку сорняков, которые мальчик давно и прочно возненавидел. Даже больше брокколи.

Работа считалась легкой (все сложные дела доставались старшим детям), но и она доставляла кучу хлопот. Утешала лишь мысль, что в следующем году они переходят в садоводы.

Мальчик никак не мог дождаться, когда сдаст противное дело малышам, которые пока только носились по огороду со своими крошечными леечками и лишь мешались под ногами.

Сорняков после дождя вылезло столько, что ребята только диву давались, откуда они берутся каждый раз?! И ведь не схалтуришь! Случись что завянет – накажут всех! Да и от группы потом достанется...

И Вера на соседней грядке в свою очередь, сосредоточенно выпалывала вверенный ей клочок земли. От усердия даже язык высунула. Гарник с нежной грустью наблюдал за подругой и злился на себя. На неё почему-то не получалось, хотя очень хотелось.

Ответственная воспитательница – тощая как кол, серая, в рабочем синем фартуке поверх преподавательского костюма – обходила их кругом, то и дело поправляя, наставляя. Она узко щурилась из-за плохого зрения, отчего напоминала крота.

– Не отвлекайся! – тут же одернула учительница мальчика.

Вера повернулась к другу и подмигнула, подбадривающе. Гарник же только отвернулся раздосадованный.

Когда мальчик не дошел еще и до середины участка, Вера уже закончила работу. Причем не абы как, не тляп-ляп – её грядка была образцово ухоженной, без единой вредоносной травинки. Рядом громоздилась кучка вырванных с корнем сорняков.

Конечно, Гарник сразу это заметил.

«Вот это скорость!», удивленно отметил он и вновь сам себя уколол изнутри:

«Хорош, ничего не скажешь! Весь грязный с головы до пят, стою тут на коленках! Еще и половины не сделал!».

– Все! – выдохнула Вера, разгибаясь.

Воспитательница, извиваясь будто змея, тут же подскочила к ней, обогнув несколько грядок. Зловредным глазом она тщательно оглядела труды девочки и огорченно не нашла к чему придраться.

– Можно идти? – весело спросила Вера, когда учительница уже в третий раз обходила безукоризненно выполотую грядку, дотошно-пристально разглядывая.

Гарник насторожился. Он хорошо знал подругу, а еще, законы их жизни – дело было дрянь.

– Еще чего удумала! – язвительно воскликнула наставница. – Огород – это общее дело! В столовой так за двоих норовишь! Помоги пока другим!

– Но по правилам каждый отвечает за одну грядку! – справедливо вознегодовала девочка, – А моя и так больше всех урожая всегда дает! Уж и не знаю, чем вы тут без меня питаться-то будете?

Гарник вжал голову в плечи: «Что она несёт?! У наставниц нет чувства юмора!»

Шея воспитательницы покрылась красными и белыми пятнами:

– Ты здесь самая умная?! – сощурился глаза, гневно завопила она. – Сядь и работай! Уйдешь, когда я скажу!

Мальчик схватил подругу за руку и с силой потянул к себе. Усадив девочку рядом почти силком, он просительно уставился ей в глаза:

– Ну, пожалуйста, помоги мне?.. – умолял Гарник, незаметно косясь взглядом на воспитателя.

Он не на шутку перепугался. Как бы Вере не влетело... И потом, всех заденет по касательной, если наставница взбесится.

Девочка благоразумно плюхнулась рядом. Она возмущенно сопела, но всё-таки стала дергать вездесущие сорняки. Резко и неаккуратно.

«Фух, если вдвоем отстреляемся, то может и отпустит...» – только и успел выдохнуть Гарник, как Вера неожиданно снова вскочила и подбочившись одной рукой вызывающе спросила:

– А чего бы нам тогда все грядки не объединить? Так места для засева будет больше и урожая соответственно! Раз уж все равно приходится за всех подряд работать!

Последняя фраза явно была лишней... Наставница вспыхнула, лицо её перекошило от ярости:

– Ты.. Глупая девчонка. Будешь меня учить?! – зашипела она, раздувшись как красный шар.

– Я просто вношу предложение, как повесить урожай! Чтобы в столовой получать побольше, – спокойно ответила Вера, глядя ей в глаза.

Ни один мускул на лице девочки не дрогнул. Уперев одну руку в бок, она стояла, спокойно помахивая тляпкой.

Гарник съежился. Ему хотелось спрятать голову в землю, как страус, только бы не слышать, не знать, что происходит. Остальные работающие дети тоже вмиг притихли, оборвав на полуслове задорные перешептывания.

«Вот пропасть! Пропать! Пропать!»

Наставница словно таран двинулась на девочку.

Гарник пригнулся. Он знал, что сейчас будет и хотел бы защитить подругу, но... что он мог?!

А Вера не шелохнулась. В детских глазах сияла такая непоколебимость, такая сила духа, что во взгляде взрослой на миг скользнуло сомнение. За долю секунды до того, как тяжелая пощечина сбила с ног нахальную нарушительницу установленных правил. Удар был такой силы, что даже у Гарника зазвенело в ушах. Вера отлетела назад, упала на землю, придавив всходы, но тут же сгруппировалась, готовая вскочить и ринуться в бой. Друг навалился на нее, удерживая, что было сил.

– Оставь, оставь, – шептал он ей в ухо. – Оставь, оставь, оставь!

Наставница развернулась и, сузив из без того малюсенькие глазки, медленным, размеренным шагом пошла в другой конец огорода. На лице её застыла властная маска ожесточения. Только Гарник успел заметить растерянный испуг, охвативший женщину сразу после удара. И не удивительно – никто не ожидал такого смелого поведения, откровенного неповиновения от маленькой милой девочки.

Несколько минут стояла гробовая тишина. Наконец Вера сбросила замершего Гарника и прожигаяще-пронзительно уставилась ему в глаза:

– Ты чего влез? – взвинченно, грубо и даже ядовито спросила она.

Мальчик прекрасно понимал почему. Вера злилась, что друг не поддержал её, когда это было необходимо.

– Ты ничего не понимаешь! – вспыхнул он.

Чувство вины за собственную трусость говорило за него. Внезапно накатило раздражение на проваленный тест, на пережитый страх, на наставницу, на всё!

– Ты мелешь всякую чушь! – скривившись причитал он, – Ты не видишь рамок, не следуешь законам!

Вера огорошенно выпучила глаза, всем своим видом будто говоря: «Ах вот как?! То есть я еще и виновата?!».

Гарник осекся и замолчал, понурился. Некоторое время он сидел так, а затем поднял подавленный взор и тихо добавил:

– К чему спорить? Чего ты добилась? Думаешь что хочешь, но делай это тихо! Не высывайся и тебя не тронут. А будешь заметна... Один человек не может изменить мир, Вера!

Девочка изменилась в лице. Щека её горела и Гарник видел – подруга только сейчас почувствовала боль. Она прижала холодную ладонь к лицу, смотря куда-то вдаль и вглубь, и мальчик, догадался – наконец она поняла его! Наконец-то! Не поверхностно, как понимают только мозгом, только смысл сказанного, а внутренне, основательно...

Она поняла и приняла его закон жизни.

Вера вздрогнула, когда в дверь постучали. Телевизор работал тихо, оттого уверенный, настойчивый стук прокатился по комнате громом. Девушка скривилась и лениво слезла с кровати. Откинув назад растрепанную челку, шаркая ногами, она добралась до двери; не спеша, и даже подчеркнута медленно (как бы давая понять – гостям здесь не рады), накинула обе цепочки – верхнюю и нижнюю – затем аккуратно открыла, лишь краем глаза выглянув на площадку.

За порогом стояла низенькая женщина, укутанная в черное с головы до пят, и ласково улыбалась. Грустные, глубоко посаженные глаза, как два черных паука в паутине мелких морщин, смотрели с молчаливым укором.

Увидев её Вера, быстро захлопнула дверь, намереваясь отпереть мешающие засовы, но в миг снова открыла. Промямлила:

– Извините... цепочки...

Закрyla.

Наконец, пусть не первого раза, но все замки поддались и девушка рывком распахнула дверь, нацепив на лицо, негласно, обязательную в этом случае улыбку.

– Доброе утро, сестра, – промолвила миссионерка, опуская глаза в легком кивке. – Я могу войти?

Руки у нее расслабленно висели, но ладони при этом были собраны в тугий замок. Мрачное одеяние монахини понуро шелестело, когда она устало переминалась с ноги на ногу.

Вера, не без укола горькой обиды, отметила, что, должно быть, учитывая вечерний час, монашка уже успела обойти с добрый десяток общинников. А ведь Избранная уже не первую неделю её ждала!

Тем не менее, девушка молча закивала, приветствуя гостью, и суетливо отступила, давая ей пройти.

– Как поживаешь? – ласково спросила женщина, переступая порог. – У тебя всё в порядке? Быть может тебе нужна какая-то помощь?

Монахиня положила руку девушке на плечо и участливо заглянула в глаза. Голос её, тихий, мягкий, четкий, словно эхом звенел в ушах. От его раскатов прячущееся глубоко внутри тепло, безумными волнами прокатывалось по телу. Вера нервно, суетливо и как-то совершенно потерявшись, отрицательно замотала головой. Потом вдруг подхватилась, опомнившись, и почтительно усадила гостью на кровать. Скомканное одеяло полетело куда подальше.

Вера налила в лучшую кружку воды и, почти неосознанно, всучила её служительнице церкви. Выполнив таким образом все приветственные ритуалы разом, сама уселась отчего-то по центру комнаты на качающуюся деревянную табуретку.

Миссионерка всю произошедшую суету восприняла спокойно и холодно, не убирая с лица ласковой полуулыбки. Когда девушка замерла, скрючившись, на своем сиденье, она еще несколько долгих минут не прерывала молчание. Женщина осматривалась, без зазрения совести, попивала водицу, о чем-то размышляла – оценивала по комнате хозяйку. Мысли её выдавали лишь брови: неухоженные, кустистые – они периодически взмывали вверх или причудливо изгибались. Это было единственное движение на каменном лице. Вера жадно ловила каждое изменение, стараясь разгадать настроение гостьи. Наконец, та обратила взгляд на девушку, внимательно её осмотрела, будто просканировала, и промолвила:

– Я пришла тебя поздравить!..

Вера счастливо разулыбалась не в силах скрыть своей радости. Обиды словно ушли на второй план. Ну и что, что ей потребовалось три недели, чтобы прийти и поздравить новую почетную жительницу общины, да что там – Избранную? Ну и что, что первые две недели девушка боялась лишний раз выйти из комнаты, опасаясь пропустить торжественный визит? Она же пришла!

– Мы все так рады за тебя! Это такая честь, такая награда... Тебя отметил святой дланью сам Господь!

Монахиня говорила ласково, нежно, внимательно глядя на Веру:

– Я сама была Избранной шесть раз! И это... О, это потрясающе! Жизнь внутри, наполняющая тебя... Ты словно пустой глиняный сосуд без нее, сухой и потрескавшийся...

И по мере того, как загорались глаза девушки, женщина добавляла речи темпа, торжественности и пульсирующего напряжения:

– Именно пустой! Нам всем так не хватает этой наполненности, какую только Бог может дать! Только с его благословения наша жизнь обретает этот божественный, недостижимый смысл! И потом... Эта очищающая, невыносимо-ужасная, но такая желанная, блаженная, боль!

Да!.. Бог так награждает нас! Я бы с удовольствием пережила это еще, еще и еще разы! Но Господь нашел другое применение моему брэнному телу!

Глаза её то распахивались, то собирались в щелочку. Она, уже словно сумасшедшая, размахивала руками, помогая себе выплеснуть концентрированный религиозный экстаз, испытываемый при мысли о беременности:

– Мои чресла теперь служат другой цели! Но сама я!.. Я по-прежнему наполнена Божьей благодатью! Как в тот, самый первый раз! Как у тебя сейчас! Но теперь... церковь призвала меня к себе на службу!.. Как знать, возможно, тебя ждет тот же путь, – прищурилась монашка и вдруг.. рассмеялась.

У Веры заскребло в груди.

«Стать монашкой?!» – ошарашенно думала она.

Девушку почти передергивало от мысли, что миссионерка поставила их на одну доску.

В целом, Вера не так хорошо знала именно эту служительницу, но судьба уже сталкивала их пару раз. А задал тон её отношению к монахини самый первый случай. В тот раз девушка, еще бывшая «свежаком», сильно заболела. Она с трудом решила отлежаться воскресным утром, ведь прогуливать обязательную службу было стыдно и страшно. И хотя температура поднялась высокая и было взаправду плохо, Вера все равно была готова разрыдаться от переполнявшего её чувства вины за «проступок». А монахиня тогда своим визитом и поведением будто подчеркивала, что девушкой недовольны и вместо успокоения принесла мучения.

С тех самых пор, Вера её и невлюбила. И теперь ей мерещилась какая-то затаенная мысль в служебных проявлениях ласки, словно они были тщательно отрепетированы, заучены.

– Как бы то ни было, это такое счастье! – успокоившись продолжила женщина, снова мягко и ласково, – Для всего прихода!

И будто поставив тем точку, она устремила взгляд на Веру.

– Спасибо, мне, правда, очень-очень приятно! – сконфуженно отозвалась девушка, вынырнув из дурных воспоминаний и размышлений.

– Ну, а что отец?.. – без обиняков спросила миссионерка.

Официальная часть была закончена.

Вера покраснела и ответила глухо:

– Он меня поздравил...

– Так он будет помогать тебе? – уточнила монашка. – Это ваше общее решение, сделать тебя Избранной? В каких вы отношениях?

– Да... Нет! Не совсем... – стушевалась девушка, жадно выискивая, за что бы зацепиться взглядом. Крохотная табуретка вдруг стала похожа на дыбу.

– Ясно! – хмыкнула женщина. – Ладно! Благословенное поддержит! А пару себе собираешься искать? Время-то идет.

– Конечно, – виновато ссутулилась Вера.

Монашка прожигала её испытующим взглядом. Голова у Веры закружилась, начала подступать тошнота. Девушка, желая сбежать от такой бессовестной атаки, погружалась всё глубже внутрь себя, стараясь отыскать безопасное место.

– Можно я потрогаю?.. – спросила тем временем миссионерка и потянулась к плоскому как камень животу Избранной.

И тут вдруг вспомнился Вере старый безотказный дуб с Детского острова: тенистый и шершавый, шелестящий густой, насыщенно-зеленой, чарующе-пахнущей листвой. В ту же секунду девушка вскочила с табуретки и подалась назад. Монашка поднялась ей навстречу с вытянутой рукой и лишь тонкая морщинка меж бровей отразила её недоумение.

Вера отступила еще на шаг. Ощувив спиной косяк входной двери, она развернулась и пренебрегая всеми правилами и обычаями, распахнула её, «ненавязчиво» указывая выход.

– Нет, спасибо, – пробормотала, спрятавшись.

Миссионерка замолкла, на миг лишившись дара речи. Затем что-то прикинула в уме и горделиво выпрямилась. Сощурилась. Последним штрихом – снисходительно улыбнулась. Маска снова сменилась.

– Рада была тебя повидать, – словно ничего и не заметив, так, будто уйти – было её идеей, чинно промолвила женщина. – Обязательно заходи к нам! Наши двери... всегда открыты для тебя!

Она сухо перекрестила Веру, коснувшись лишь лба. Затем важно расправила примятый подол и вышла.

– Пастор отметит тебя в молитве... – бросила на прощание.

* * *

Вера вынырнула в коридор одной из первых, едва успел отзвенеть звонок и стремглав понеслась к кабинету трудов для мальчиков. Несколько минут, она стояла нетерпеливо при-танцовывая. Когда же Гарник, наконец, вывололся из класса, девочка налетела на него словно ураган:

– Я сшила такую классную рубашку! Rrrrr! Не то что это отребье, из которого везде нитки торчат! – возбужденно прыгала она, дергая друга.

Мальчик же только молчал и старательно обсасывал палец, отклоняясь от подруги.

– Что там у тебя? – бесцеремонно потянула Вера его руку, – Заноза...

В долю секунды она ловко подцепила ногтями коротенький кончик деревянной щепы.

– А-ай!

Вера отбросила мизерную палочку в сторону и тут же вернулась к своей теме:

– Кто только сшил это жуткое платье? Слепой безрукий калека?

Девочка с комичным видом брезгливо потянула из собственного рукава нитку, потом быстро обгрызла её зубами и сунула в карман.

Гарник прыснул со смеха.

– Вот бы она мне и досталась! – мечтательно прошептала она, так чтобы слышал только друг.

Порой при распределении одежды разрешалось забирать свои работы, но, по наблюдениям детей, только ни когда они удачные. Тут главное было хорошо сыграть неудовольствие – сделать вид, что берешь какую-то ерунду. Вообще одежда распределялась по жребью. Ведь изделия, например, семилеток не хотели носить даже сами семилетки. А были еще и просто не способные к шитью особы. Так или иначе кто-то всегда оставался недоволен.

– А я сделал табуретку! Но похвастаться ей не могу... – вздохнул Гарник, – Зато рация получилась клёвая...

Мальчик засунул руки в карманы и молча уставился в пол, выложенный дрянной коричневой плиткой.

– Молодец, Гарник! – подруга отреагировала точно так, как ему и хотелось, – Мне так нравится то, что ты мастерить! Надеюсь, скоро сможем опробовать твою поделку!

– И я... – глаза его засветились.

Вдруг в животе у Гарника заурчало и он дрогнул, согнулся пополам, болезненно скривился:

– Как есть-то хочется...

Вера лишь ласково погладила друга по голове.

Вот уже третий день вся их «пятерка» – условная группа ответственных друг за друга ребят – получала сильно сокращенный паек. Ребята недоедали и ходили сонные, нервные рассеянные.

Девочка наклонилась к другу, заглянула в глаза. Посмотрела и горестно, и нежно, потом сказала:

– И не говори... Когда уже этот недотепа поправится?!

Причиной всему был мальчик из их «пятерки», который заболел и слег в постель. А по правилам ему полагался особый стол, сформированный за счет остальных ребят. Вера считала, что у них забирают неоправданно много, но Гарник отговорил её жаловаться и разбираться.

– Может стащим из огорода пару морковок? – задумчиво как бы спросила разрешения девочка, – Я видела, уже созрели...

Они шли плечом к плечу по переполненному коридору учебного корпуса:

– Ты что, вздурела? – округлил глаза мальчик, озираясь. – Не услышал бы кто! Знаешь, что нам за это будет?!

Вера только тяжело вздохнула и, на радость другу, не стала спорить:

– Ты прав... Ладно, думаю, уже недолго осталось! Поспешим?

По крайней мере их случай был значительно легче, чем у той легендарной «пятерки», о которой не устают рассказывать учителя. Ведь там, выхаживая одного, от голода умерли трое детей.

Утро выдалось на редкость промозглым. Низкое, затянутое тучами, угрюмое небо давило на глаза. Все цвета вокруг перемешались, испачкав улицы грязно-серым.

Вера никак не могла найти себе места, ожидая свое первое собрание Избранных. Она встала ни свет ни заря, металась и суетилась, пока не сдалась – выскочила на улицу раньше срока. Нужно было скоротать время и девушка принялась бродить по пустынным улицам.

В рабочее время в жилом секторе почти не было шансов встретить людей. Если в улье общины кто и оставался дома, то предпочитал не высовываться – причина для отгула должна быть едва ли не смертельная. В противном случае от нападков соседей можно было съехать с катушек. Бездельников не любили пуще больных.

Вера никогда не пропускала рабочие часы и теперь обомлела, ощутив тишину и спокойствие отдыхающего от людей города. Она прожила здесь шесть лет, но ни разу не видела общину такой. И эта безмятежность, умиротворение пугали её. Она словно пришла в гости, когда хозяев нет дома. И будто, стоя в спальне, не понимая даже зачем, просматривала содержимое прикроватной тумбочки, каждую секунду страшась, что вернутся владельцы квартиры.

Тишина гремела в голове колоколом. Девушка брела и видела везде одно – узкие грязные улицы, куда едва просачивался дневной свет даже в погожие деньки. Вокруг – бетонные великаны смотрят друг на друга сотнями мертвых окон-глаз. Внутри шершавые исполины поделены на клетки маленьких квартир, заваленных пыльными вещами. Крошечные мирки под кальку.

В верхних этажах, прогреваемых солнцем, почти всегда было жарко как в аду, нижние же, стыли в затхлом холодном воздухе. Свет тянул глаза к себе и сейчас девушка заметила, что всегда ходила, задрвав голову и потому-то, должно быть, не замечала грязи на асфальте, что покрывал улицы от угла до угла не давая расти даже мелкой травинке.

Вдруг ей стало нестерпимо тесно, душно, до паники тошно. Сперва невольно ускорив шаг, девушка вскоре побежала что есть мочи. И отдышалась, только когда выскочила из давящей ловушки улиц на набережную.

С океана дул пронизывающий, не по-весеннему холодный ветер. Зима никак не хотела уступать позиции. Девушка к этому не подготовилась. В спешке, она вовсе не посмотрела на градусник и не подумала, что будет долго ходить. Потому накинула лишь легкую весеннюю куртку любимого фиолетового цвета. Она прекрасна годилась, когда нужно было домчать до работы, но уж точно не подходила для ранних прогулок по побережью. Первый же порыв ветра это доказал.

Поплотнее запахнув куртку, Вера нехотя двинулась к корпусу Благословенного отделения, что показался вдалеке, стоило только дойти до рыбацкого порта. То был относительно небольшой пирс, используемый только на половину из-за нехватки рыболовных судов. Это

упущение сильно сказывалось на рационе жителей, однако Церковный Совет упорно молчал и всё оставалось по-прежнему.

Вторую, простаивающую часть «временно» занимал «Центр Экстрима», невероятно популярный. Очереди туда были ошеломительные. Чтобы поплавать часок с гарпуном, заняться скалолазанием, полетать с парашютом или еще чего получше, записываться нужно было за месяц. Экстрим был в моде, как минимум, сколько Вера жила в общине и становился более способом показать благополучие, нежели просто хобби или увлечением.

Одно время организаторы даже создали на базе центра собственный элитный «Клуб ценителей адреналина» и начали продавать за баллы членство, но их очень быстро прикрыли. Церковь не терпела конкурентов.

Негласно здесь был также клуб паркурщиков, в котором состоял Иман...

Внимание Веры привлекла тарзанка, сиротливо свисающая с желтой руки дремлющего разгрузочного крана. Девушка с удовольствием представила, как камнем несется вниз с привязанной к ногам веревкой. Адреналин прыснул в кровь и дух её захватило. Но очередной порыв ледяного ветра развеял грезы: Вера вся съежилась, замерзая. Её пробрал озноб, заставивший прибавить шаг. Ноги вязли в мокром песке, идти было тяжело, а всё тепло уносил порывистый ветер.

Девушка проделала немалый путь, но всё же пришла к дверям Благословенного отделения слишком рано: аж за час до назначенного срока. В её простеньких тапках хлюпало.

Но быть первой гостьей? Нет, слишком большая ответственность! И Вера предпочла мерзнуть. Чтобы не стоять на пронизывающем ветру, девушка придумала рассмотреть получше здание, в котором отделение Избранных занимало первый ярус. Это был единственный четырехэтажный дом на острове.

В общине его называли «Штаб», потому что тут заседали все главные управленческие структуры: собирался церковный совет, заседал мэр, решались административные вопросы, размещались все основные организации: суд, ЗАГС, поликлиника, начальники порта, совет по работе с населением.

Длинное, серое, непривычно сплюснутое на фоне высоких многоэтажек строение заняло значительную территорию набережной в северо-западной части острова. С одной его стороны, смотрящей на песчаный берег, двери открывались на большую нарядную площадь, вымощенную брусчаткой. Её использовали для торжественных мероприятий: общих собраний, церемоний, праздников. С другой, два маленьких крыла здания зажимали между собой крошечный скверик.

Как Вера ни желала растянуть осмотр скучных стен, а ледяной, пробирающий ветер подгонял ее к входным дверям. Цифры на часах, как назло, не спешили сменять одна другую. Минуты растягивались в часы и годы, словно замерзая вместе с девушкой. В какой-то момент Избранная поняла, что больше не в силах оставаться на улице. На заиндеветых ногах она с трудом поднялась по широким ступеням мраморной лестницы и, затаив дыхание, шагнула в услужливо распахнувшиеся автоматические двери.

Подуло оживляющим теплом и Вера словно поплыла. У дверей гостей встречал санитар, с пришитой сияющей улыбкой. Он окинул девушку беглым взглядом и молча, любезно-молниеносно накинул плед ей на плечи. Затем всунул Избранной в руки пластиковую чашечку с горячим, дымящимся чаем.

Вера благодарно закуталась в тонкое одеялко с носом, из которого в тепле сразу потекло, и принялась с шумом втягивать горячий напиток.

«Вот это да!» – только и подумала она, усаживаясь на стул.

В холле играла веселая и даже торжественная музыка. За ночь коридор украсили светящимися гирляндами, которые сразу бросались в глаза. Правда, их было слишком мало. В ярко

освещенном помещении, этот скупой декор смотрелся нелепо и смешно, но тем не менее создавал ощущение праздника.

Во всю стену красовался новый баннер: «Помышления плотские – суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир². Добро пожаловать, Благословенные!»

Вдоль по коридору выставили несколько вместительных вешалок. Назначенный к ним санитар чинно, с галантным полупоклоном забирал из рук гостей верхнюю одежду и выдавал яркий оранжевый номерок из прозрачного пластика. К удивлению девушки одна из вешалок была занята почти полностью. И новые Избранные всё подходили, чтобы спокойно подождать в тепле.

«Твою налево! Вот ведь бессовестные!» – рассердилась Вера.

Всего должно было собраться без малого семьсот беременных дам – всё отделение. Итоговая встреча проводилась раз месяц. Она всегда проходила с особым размахом, заканчиваясь большим праздником. Неизменно девушек ожидал сюрприз. Некоторые даже делали ставки, гадая, что же будет? И еще, в этот день торжественно приветствовали новичков, а значит Вере придется «выступить».

Как ни жалко было прятать под пледом лучшее свое платье, но пришлось – несмотря на горячий чай и теплый воздух внутри помещения у девушки по-прежнему зуб на зуб не попадал. Меж тем, Избранные, постепенно занимали места в комнате собраний. Все как одна они были разодеты в пух и прах. Складывалось впечатление, что Вера на конкурсе красоты среди беременных. Это заставило её улыбнуться и... занервничать еще больше. Девушка то и дело суетливо оправляла, одергивала платье, прятала руки, разворачивала или перекидывала плед.

Сама комната собраний тоже несколько преобразилась. Стулья были развернуты к камину, в котором уютно тлели угли. Сиденья расставили ровными аккуратными рядами по пять мест в колонне. Свободное место впереди (под сцену) очертила кислотно-желтая липкая лента. По центру установили трибуну с микрофоном.

Недельные собрания обычно проходили здесь же, но малыми группками (по тридцать – сорок человек в несколько смен). Тогда все рассаживались на выставленные кругом диванчики, болтали, смотрели мотивационные фильмы, слушали музыку, делились тяготами токсикоза и найденными решениями.

Сейчас же большинство гостей сидело порознь, изучая экраны гаджетов. Вера не узнала никого из присутствующих, потому поступила так же – села в стороне и достала планшет. Но не успела она снять блокировку экрана, как слева плюхнулась круглая аки шар Банузина. Изумрудно-зеленое платье в пайетках обтягивало её огромный живот так, что казалось еще секунда и ткань с треском расплзется. Глаза были жирно подведены переливающейся зеленой подводкой, скулы – густо обсыпаны блёстками – всё в лучших традициях моды. Смотрелась она, без преувеличений, прямо-таки сиятельно.

– Ой, Верочка, выглядишь – чудно! – взвизгнула Банузина и оглушительным шепотом добавила, – Волнуешься небось, да? Я знаю, это твое первое собрание! Скажу по секрету – будут представлять!

Она зычно загоготала, толкая девушку локтем, а отсмеявшись – заныла:

– Так кушать хочется... Мне кажется, мне не докладывают порцию... Хочу побеседовать об этом со своим врачом. Месяц назад он увеличил для меня норму, но что-то не похоже, чтобы что-то изменилось!

Она обиженно надула губы и вопрошающе взглянула на Веру, уверенная в своей правоте. Та ответила:

– Складывается ощущение, что после родов ты хочешь породниться с бегемотами!

---

² К римлянам 8:6

На минуту повисло растерянное, неловкое молчание. Банузина сдвинула брови, что-то прикидывая, а потом вновь громогласно расхохоталась.

– Ой не могу, с бегемотами! Ты такая смешная, честное слово!.. Это такие с ноготочками, да?

Каждую минуту прибывали новые гости. К девушкам подсели сразу несколько впорхнувших стайкой Избранных и разговор сделал новый виток.

– Ооо, эта изжога! – капризно собрав губки, вещала Аза. Она всегда начинала разговор первой, потому что считалась красавицей.

– Да-да, – дружно-понимающе посочувствовала вся компания.

– И эти отеки, мама миа! Я уже как надувной матрас! – подхватила Алина, как-то тихо и виновато. Ее одутловатое, оплывшее лицо выражало крайнюю степень измождения. Она сидела, вытянув вперед толстые как бочонки, раздутые ноги и тяжело дышала.

Не обратив никакого внимания на эту жалобу, миловидная Яна продолжила перечисление «профессиональных» недугов.

– А я вчера так плохо спала!

У нее был довольно большой, не соответствующий сроку живот и, очевидно, это ужасно досаждало:

– На бок не перевернуться, на спину не лечь! Е п р с т! Пол-ночи дремала сидя!

– Ты хотя бы спала! – эмоционально перебила Настя: хрупкая с едва заметным острым животиком. – А мне вот уже неделю снятся кошмары. До того страшные, что уже и засыпать страшно...

– И что снится? – полюбопытствовала, подбравшись, Банузина.

Она на протяжении всего разговора что-то тайком пережевывала, но сейчас даже вроде бы отложила снэк.

– Ну... Раз вот снился младенец. Он лежит у мусорного бака, завернутый в грязное тряпье, и будто я подхожу и беру его, а он замерзший... То есть мертвый.. младенец, синий весь и глаза открытые – в инее. Но тут он, как-то, не знаю... начинает мне грудь сосать, жадно так... а глаза мертвые, но смотрит будто на меня. И я чувствую холод жуткий, страшный и не проснуться никак...

Она слотнула. Пробежалась испуганным взглядом по лицам собеседниц.

Все молчали.

– А в другой раз приснился кадр из фильма, который нам на прошлой встрече показывали: где дети вокруг женщины носятся, орут, что есть мочи и дёргают, и плачут, и требуют! И вдруг все исчезли и стою я одна, а напротив – мальчик. Смотрел, смотрел большущими глазами, да как закричит-заплачет и на шею мне кинулся, вцепился ручонками – не оторвать, плачет и что ли царапает меня... Больно... Я увидела штырь из стены торчащий, разбежалась и его прямо на этот штырь... И он затих, ручонки разжал, и смотрит на меня... и этот взгляд... он...

Стройной вереницей, шелестя золотистыми мантиями, вошел и встал на сцене хор. Избранные в зале болтали о разных мелочах. Громко и беспардонно хохотала толстушка слева.

А девушки всё молчали. В тишине, сковавшей, опутавшей их, вязко витали обрывки невысказанных мыслей, тёмные сгустки выедающих души страхов, отголоски сотен ужасов и кошмаров. Мертвое безмолвие словно сочилось у каждой изнутри.

Дюжина мужчин и женщин в длинных золотистых мантиях, вразнобой завели, распеваясь: «Аллилуйя», – раздирая покойный, застылый мрак.

В этот момент в зал впорхнула Ангелина. Она легко, изящно ступала по проходу и мягко улыбалась всем и никому, глядя ровно перед собой. Копна золотисто-медных кудряшек, обнимавшая ее хрупкие открытые плечи, подпрыгивала при каждом шаге, приковывая взгляд. Сегодня на ней не было привычного белоснежного халата. Миниатюрную, женствен-

ную фигурку обтягивало темно-синее строгое платье. Крошечные туфельки в тон на высоком каблуке подчеркивали изысканные, удивительные щиколотки.

По залу, словно осенняя листва, гонимая ветром, пролетел взволнованный шепоток. Мгновенно стихли разговоры. В наступившей теперь уже выжидательной тишине зала Вера смогла разобрать, как тихо выдохнула Банузина отрешенно глядящей в пустоту Насте:

– У меня тоже было... нечто подобное. И знаешь, лучше не говори об этом никому... здесь...

– Доброе утро, милые мои! – грянуло из динамиков сладкое воркование и в ту же секунду опутало комнату, отражаясь от стен, увешанных колонками.

«Аллилуйя», – отрепетировано вторил Ангелине хор. Вокалисты уже закончили распевку и теперь задорно пританцовывали у стены.

Главная обвела зал веселым взглядом. Сверкнули глубокие как небо, синие глаза. Довольная увиденным, она кивнула.

– Все собрались? Я так рада вас здесь видеть! Лично приветствовать на нашем очередном Большом собрании Избранных!

Она говорила и слегка мотала головой, в попытке откинуть волосы назад, словно повторяла: «Нет, нет, нет!».

– Надеюсь, у всех всё хорошо? Кхм... Раз-раз. Итак, расскажу, что мы сегодня будем делать... Ой, забыла, кстати: со многими из вас мы вместе уже не первый месяц, но всё же, я напому... Девушки, для каждой из вас у нас всегда открыты двери! Утром, днем и даже ночью – приходите, когда захочется. Если у вас вопросы, проблемы, что-то заботит, мучает, гложет – девчонки, мы здесь только для вас! Вы всегда можете проконсультироваться у лучших врачей общины, для вас работают квалифицированные психологи, да и просто приходите поболтать. Здесь все вам рады: от санитаря до пастора! – она нежно рассмеялась и зал тут же отозвался эхом сотен голосов.

– Хорошо?

Ангелина вновь обвела взглядом так же резко притихшую аудиторию, отметила согласные кивки. Затем одобрительно угукнула и продолжила:

– Итак, программа! Сегодня мы приготовили для вас невероятный сюрприз – невероятно откровенный!.. Ммм, я вас заинтриговала? Вот и славно! А сперва выступит наш любимый отец Апполинарий! Далее, после его душеспасительной проповеди, мы поприветствуем наших новеньких! И вот уже после – будет сюрприз!

Зал взорвался аплодисментами. Ангелина, сияя, слегка поклонилась публике и жестом пригласила на трибуну пастора. Она что-то ему быстро шепнула и отошла к стене, где села на специально принесенный, отдельно выставленный для неё стул.

Святой отец или пастор Апполинарий – молодящийся мужчина лет сорока пяти – смиренно подождал пока шум утихнет, затем важно откашлялся, настраивая аудиторию на серьезный лад. Постепенно девушки успокоились и вернулись к своему обычному состоянию: со скупающим видом воззрились на сцену, где, уперев руки в бока, деловито смотрел вдаль пастор.

С первого взгляда он не располагал к себе: маленький рост и мальчишеские плечи, соседствовали у него с упитанным животом, таким удивительным для подтянутой, вечно экономящей на продуктах общины. Случится очертить его мелом и увидишь ромб. Голова пастора, покрытая редкими, но жесткими темными волосами, сияла проплешиной на затылке и казалась совсем крошечной. Уходящие вверх залысины укрупняли сальное, лоснящееся лицо. Сплюснутый, широкий с крючковатым кончиком нос почти вплотную прижимался к пухлой губе, а довершали картину маленькие, крошечные темные глазки под мясистыми нависающими веками.

Но от него веяло такой харизмой! Раскатистый, обволакивающий голос пастора обладал поистине гипнотической силой, нежил и ласкал слух собеседника. А жесты, хоть и были сует-

ливы, но рисовали человека солидного, отличались непринужденностью, достоинством и благообразием, а также присущей некоторым особенным мужчинам вальяжностью.

– Доброго дня, сестры! – начал он и зал затопило рокочущей волной спокойствия и неги, какою внушал его голос. – Как Ваше настроение, самочувствие?

Отец Апполинарий задумчиво покивал, поулыбался сам себе. Казалось, он обдумывает: что бы сегодня сказать, как бы получше начать? Но затем пастор опустил взгляд к лежащим на трибуне заметкам, сокрытым от глаз небольшим бортиком, и начал читать заготовленную проповедь:

– Меня серьезно заботит ваше самочувствие и тяготы, которые приходится претерпевать на пути к очищению. Те, которые мне не дано Господом когда-либо испытать! О них я и хотел бы сегодня поговорить!

– Сегодня, когда я заходил в любимое Благословенное отделение, то придержал дверь одной из Вас (не буду называть имени, дабы никого не смущать)...

В это время сидящая недалеко от Веры девушка задорно помахала отцу рукой.

– Да-да, Мэредит! – кокетливо отозвался он, – Я рад, что ты показалась нам всем! Так вот, заметьте, у Мэредит уже подходит срок к разрешению от бремени... А на этой стадии Искупления приходится ой как тяжело! Думаю, не ошибусь, если скажу, что именно поэтому она с таким трудом вошла в здание и с облегчением, села передохнуть на диван в холле. И она сказала тогда: «Господи, как же тяжело!». А после, обратилась лично ко мне: «Неужели нельзя было сделать всё это хоть немного проще, пастор?».

Он помолчал, давая слушателям несколько секунд на размышление и с нежной, снисходительной улыбкой повторил:

– Хоть немного проще...

Он прочистил горло, достал из кипы одну бумажку и, водрузив на крючковатый сальный нос очки, с чувством прочел, под радостное сопровождение пританцовывающего хора:

– «Не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того и наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает!³».

Последние слова он произнес по слогам, вкрадчиво понизив голос. Хор, в противовес, сорвался на высокую ноту: «Ууу-а».

Закрепляя, пастор повторил:

– «Бьет же всякого, которого принимает!» Понимаете?! Удивительно, Господь дает Вам, Избранным его, уникальную, не всем доступную возможность искупить грехи. Все! Разом! Разве это может быть просто? Эм?

Он вытянулся над трибуной и требовательно изогнул брови:

– Такая возможность сама по себе великое чудо и следует радоваться каждой секунде, что вы проживаете, отмеченными Божьей милостью! Какой бы тяжелой она вам ни казалась! Господь принимает вас в свое, наполненное любовью и смыслом лоно! Будьте благодарны! Ведь это и есть первейшее, чистейшее выражение Его любви!

– Но давайте вспомним еще вот о чем: мы говорим сейчас о беременности – то есть процессе зарождения и вынашивания жизни! Самом по себе не простом, запутанном, в корне не понятном человеку! Как же это может быть легко?! Да, сложен и тяжел путь женщины, пожелавшей получить искупление – родить! Да, много разных трудностей, болей приходится претерпевать... Но, Мэредит, а грешить-то, наверное, было легко?

Пастор уперся испытующим взглядом в покрасневшую Мэредит. Раздались приглушенные смешки и шушуканья. Святой отец резко отвернулся и разулыбался:

– Конечно, я шучу... Но в каждой шутке, как говорится, есть доля правды, не так ли?

---

³ Евреям 12:5—6

Голос его из поучительно-строгого вдруг стал нежным, пропитался елейными нотками заботы:

– Я хочу напомнить вам вот что: Бог любит вас! Это так просто – Бог любит вас, каждую из Вас, всех вас, всех нас! Все ваши испытания – это большой опыт, а вместе с ним и благо! «Блажен человек, который переносит искушение, – говорит Господь, – потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Бог любящим Его⁴!» Только после испытания сможете вы получить венец жизни, сестры! Потому что Бог вас любит!

На носу вновь оказались невесты когда исчезнувшие очки:

– Ведь сказано: «Испытание вашей веры производит терпение; терпение же – должно иметь совершенное действие, чтобы вы были *совершенны* во всей полноте, без всякого недостатка. Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем *просто и без упрёков*, – и дастся ему...⁵» Так давайте же все вместе попросим за себя, за Мэредит, за всех нас, чтобы были совершенны! – Господь, отец всемогущий! Дай, рабам твоим верным мудрости, дай терпения!

«Аллилуйя!», – грянул хор, хлопая в такт. Отец Апполинарий расчувствовался: глаза его покраснели, словно готовые наполниться слезами. Он продолжил удивительно проникновенно:

– Вы пока не понимаете этого, как возможно, никогда не сможете понять Божью волю, но Он то все знает... Он все понимает... и знает как будет лучше! Он заботится о вас!

Пастор, сильно разгорелся: грозил аудитории пальцем, указующим в потолок и, казалось, говорил сердцем. Но как раз в этот момент прибыли долгожданные и знаменитые угощения – привилегия Избранных.

Публика загудела, загомонила. Девушки стали оборачиваться жадно отсчитывая, когда придет их очередь, и высматривая, с какой стороны угощение подоспеет быстрее.

С больших серебряных подносов, под пристальным присмотром санитаров, Избранные брали по одному румяному, аппетитно пахнущему пирожку, размером с половину ладони и торопливо откусывали горячее тесто, рассматривая начинку. Сегодня пирожки были с капустой. Со всех сторон охали, ахали и причмокивали, радуясь редкому лакомству.

Пастор замолчал, ожидая, пока волнения улягутся. Достал платок, промокнул вспотевший лоб, потом углубился в свои записи. Хор же, как ни в чем не бывало, продолжал пританцовывать, напевать, прихлопывать.

Спустя несколько минут, когда санитары удалились из зала, а девушки дожевывали, но уже могли слушать, святой отец возобновил речь, ласково улыбаясь:

– Итак, Господь заботится о вас... Ведь именно вас Он выбрал, отметил своим даром! Это ли не лучшее доказательство Его любви? Ммм? Не это? Конечно это! Но он хочет подготовить вас для себя, для лучшей жизни в его царстве, его доме. Вот послушайте, есть в Священном Писании такие слова: «Об этом радуйтесь, поскорбевши немного, если нужно, от разных искушений, чтобы испытанная вера ваша оказалась дороже гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота⁶» Радуйтесь, он испытывает Вас, потому что знает – вы справитесь, вы выдержите и вера ваша станет еще чище, значимее, драгоценнее для него! Не подводите же его! Не огорчайте Отца нашего своим роптанием, ведь Вам уготована лучшая судьба, чем вы могли представить, вам уготовано место в раю! Готовы ли вы ради него потерпеть?

Первые ряды шумно отозвались, хлопая, кивая и улюлюкая. Остальные же, изрядно устав от нравоучений, сидели в полудреме и молча переваривали пирожки.

– Утомил я Вас? Ну, на прощание, я вот что хочу вам прочесть: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец милосердия и Бог всякого утешения. Он утешает нас

---

⁴ Иаков 1:12

⁵ Иаков 1:2—5

⁶ 1-Петра 1:6—7

во всякой скорби нашей, чтобы и мы могли утешать, как Бог утешает нас самих!⁷». Как уже говорила наша несравненная Ангелина, наши двери всегда открыты для вас! Мы все готовы выполнить свою миссию перед Богом и утешить, приголубить вас, когда это требуется. Помогите сестрам вашим! Аминь!

– Аминь! – хором выдохнул зал.

– А-ами-иннь! – затянул разошедшийся хор.

Отец Апполинарий низко поклонился с проворством, неожиданным для его пухлой фигуры, и сошел со сцены. Трибуну вновь заняла Ангелина. Она подняла руку, призывая к тишине:

– Спасибо большое, отец Апполинарий, за душевную и нужную нам всем проповедь! Мы часто забываем в суете и тревожении повседневных дел как любит нас Господь! Поблагодарим же, дамы!

Послушная аудитория принялась размашисто аплодировать. Ангелина улыбалась и кивала. За ее спиной в камине бились друг с другом язычки фальшивого пламени. Спустя несколько долгих минут она снова подняла руку и овации стихли.

– Самое время перейти ко второй части нашей программы, а именно: давайте поприветствуем наших новеньких! Дорогие мои Избранные, поднимитесь, пожалуйста, с мест: Раиса, Богдана, Вера, Нора, Матильда, Гелла – выйдите сюда, вперед!

Вера, поспешила на сцену, где встала третьей в цепочке, в строгом порядке с тем, как её вызвали. Хотя этого никто не требовал. Она улыбалась так широко, что щеки сводило.

– Уважаемые Благословенные, поприветствуйте наших новичков! – зал взорвался аплодисментами. – Мы все хотим вас рассмотреть повнимательнее... Алекс, поднеси сюда стулья! Вот так, рассаживайтесь поудобнее! Прекрасно!

Ангелина развернулась к публике и, поводя открытой ладонью, часто закивала, с предельнейшим видом, как бы говоря: «Ну? Что за очарование! Только посмотрите на них!».

Золотистые пружинки на ее голове при этом задорно запрыгали. Вера довольно отметила, как весело, старательно хлопают Благословенные. Как мечтательно улыбаются, вспоминая свое первое Большое собрание. А новенькие краснели и робко смеялись, одаривая друг друга счастливыми взглядами.

Некоторое время погода, когда девушки с головой искупались в овациях, Ангелина подняла над головой руку и, легонько покачав ею, вернула в Комнату собраний тишину.

– Прежде всего, давайте поближе познакомимся! Мы все хотим узнать о вас побольше! Кто-нибудь хочет быть первой?

Ангелина превосходно знала всех девушек в лицо и по имени, и ни минуты не сомневалась, обращаясь к той или иной Избранной. Это была одна из первых причин, невероятной любви к ней. Даже в мелочах, она заставляла девушек чувствовать себя особенными.

– Богдана? Может быть ты хочешь?

Девушка торопливо вскочила, будто только и ждала, когда ее назовут. Главная Благословенного отделения чувствовала Избранных: она умела понять, когда и кого следует подбодрить, кто хочет быть лидером, кто – ведомым, кому нужна снисходительность, а кому – опека. Это была вторая причина любви к ней.

Ангелина подняла руки к подбородку и принялась воодушевленно хлопать, поощряя девушку. Зал, как всегда, подхватил. Богдана зарделась.

– Всем... эхх ...добрый день... кхм... меня зовут Богдана, да...

Девушка стояла прямо и лишь слегка теребила подол юбки. Голос у неё был тихий и не выразительный, но огромные в пол-лица глаза, казалось, рассказывали лучше слов. Они то и дело распахивались широко-широко, расставляя акценты в речи:

---

⁷ 2-Коринфянам 1:3—4

– Я ботаник, живу в 23 блоке. Мне 20 лет и я собираю фантики. Я везунчик, потому что у нас на этаже только 6 жильцов и два из них в моей комнате!

Она вдохнула, открыла было рот, но потом неловко помахала рукой и, покраснев, быстро села.

– Девчонки, теперь вы знаете с кем дружить, если у вас стесненные жилищные условия! – рассмеялась Ангелина. – Спасибо, Богдана! Кто следующий? Нора? Нет? Может Раиса?

Последняя двигалась на полусогнутых ногах, переваливаясь из стороны в сторону, напрягая покрытые татуировками руки. У нее была причудливо выбрита треть головы слева, а остальные короткие волосы, девушка зачесывала направо. Она носила кожаную куртку, украшенную блестящими шипами, и свободного кроя штаны, которые болтались промеж ног.

– Раиса, – коротко кивнула Избранная. – Мне 19 лет. Я – лесбиянка. У меня все.

И девушка развернулась, чтобы сесть.

– Подожди, Раиса! Можно задам тебе несколько вопросов?

– Задавайте, – пожала плечами девушка, но было похоже, будто её передернуло.

– Кем ты работаешь?

– Я... это сложно. В холодильнике, в общем. На заморозке свежих овощей.

– Это интересно, – обронила Ангелина, обдумывая следующий вопрос.

– Так себе.

– У тебя есть хобби, увлечения?

– Нет. То есть, я люблю гулять, петь – ничего особенного. Немного пишу стихи.

– Вот это здорово! – похлопала главная. – Может прочтешь нам что-нибудь?

– Нет.

– Ну ладно, может быть в другой раз... А вот... стать Избранной – это твое решение?

– Да... Почти... Нет, в общем – нет.

– Расскажешь?

– Нет.

– Спасибо за честность, – улыбнулась Ангелина и Раиса, выдохнув, села.

Вера настроилась быть третьей по порядку. Хотя слов не подготовила.

– Так, кто-нибудь еще хочет выступить? Вера?

Девушка встала к микрофону, судорожно пытаясь собраться с мыслями. Несколько секунд она лишь тупо скользила глазами по сидящим в зале: некоторые счастливо, пылко хлопали, одобрительно кивали, смеялись; другие за натянутыми улыбками прятали тусклые безучастные взгляды, выдавая себя слабыми, ленивыми движениями, глухими хлопками. Наконец взгляд, как магнит, притянула большая зеленая точка – Банузина. Она пристально смотрела на девушку, будто пытаясь телепатически передать ей свои мысли. И когда их глаза встретились, она просияла и кивнула новенькой, ободряя.

– Меня зовут Вера. Я работаю в ремонте, – и этот взгляд передал ей уверенности, – Моя специальность ткани. Так что – обращайтесь. Я – профессионал...

Девушка испуганно побледнела, когда в зале послышались хлопки. Но, когда осознала, что аплодируют ей – воспряла:

– Я одинока, но, надеюсь, это не навсегда... Эм, что еще... Вот, кстати, сегодня мне хотелось прыгнуть с тарзанкой, правда чаще хочется кого-нибудь с нее сбросить... А лучше без! Шучу.

Она покраснела и вымученно улыбнулась. Кто-то прыснул и Вера продолжила:

– Я трудолюбива, но часто бывает, что не хочется делать, то, что делать не хочется. И я совершенно точно не собираю фантики! Спасибо.

Девушка поклонилась и быстро села. Сердце стучало, от возбуждения голова шла кругом, в глазах потемнело. Сжатая глубоко внутри пружина выстрелила, разряжаясь. Она справилась! Но потрясение было слишком сильным и сработала программа самосохранения – Вера

«выключилась». Ничего не замечая вокруг, она хлопала и улыбалась, пытаясь переварить, ровненько разложить, все произошедшее. Лица людей поплыли перед глазами, смешались в одно пятно и сквозь него Вера увидела вдруг печальный лик Спасителя, равнодушно взиравшего на нее с начищенной иконы, что висела на противоположной стене. Окунувшись в темные провалы тоскующих глаз, девушка погрузилась в удивительно тупое состояние, когда в голове отсутствуют мысли, и словно плывешь на спине, лежишь, качаясь на волнах.

Вера плыла, пока говорили остальные Избранные, пока смеялась и хлопала аудитория, когда вставала со стула и маршировала в цепи других девушек со сцены. И очнулась только когда на нее накинута Банузина.

– Вииниу! – верещала она. – Ты была лучше всех! Ты очень классно выступила, молодец!

И было в этом что-то такое душевное, чего Вера никогда не испытывала, что заставило ее пожалеть о своем надменном обращении к знакомой, о предвзятости с какой она судила – обо всем.

– Скажи, Банузина, – спросила девушка неожиданно даже для самой себя, – это было твое решение – стать Избранной?

Вопрос был настолько неуместным, что испугал собеседницу. Но в округлившись глазах меж удивлением и недоверием читалось желание открыться. Поэтому говорить не потребовалось. Когда Аза, в своей манере, беспардонно ворвалась в их тет-а-тет, Вера уже знала ответ на прозвучавший вопрос. А облегчение, с которым выдохнула Банузина, доказывало, что он верный. Тогда девушка снова ощутила едкий привкус презрения к подруге. Всё вернулось на круги своя.

С юношеских лет больше всего Вера мечтала стать Избранной – забеременеть. И женщины, получившие этот дар по-случайности, а тем более, не желавшие его, вызывали у неё отвращение. настолько неосознанное, что его нельзя было стереть мелким проявлением теплоты.

Перед обещанным сюрпризом был перерыв, чтобы размять ноги, попить горяченького. Всё те же санитары раздавали в холле стаканчики и чай, разливали из дымящихся чайников воду. Пирожков уже не было, но давали по пригоршне кукурузных колечек.

Вера специально замешкалась, чтобы оказаться в хвосте их небольшой группки, когда девушки выходили в коридор, а затем и вовсе сбежала в туалет. Она трусливо опасалась выдать Банузине нахлынувшую брезгливость, ведь, как бы то ни было, девушка была единственная за шесть лет жизни в общине, кто проявил заботу о ней. Почему же Вера так спешила судить?

Ей нужно было время успокоить себя, хоть немного разобраться...

Тут, как раз, очередь в дамскую оказалась невероятной. Причем за короткое время перерыва в ней успело вспыхнуть несколько ссор. Девушки, такие милые в зале, порой орали до хрипоты, плевались и порывались таскать друг друга за волосы. Вера, скривив губы, наблюдала за ними, прислонившись к стене. Вскоре в зале зазвучала музыка – перерыв подошел к концу.

С первыми аккордами начинающейся программы, большая часть очереди испарилась, но все же, многим было невмоготу и потому Вере еще предстояло стоять и стоять. Несколько минут ушло на принятие решения. Наконец, девушка махнула рукой и двинулась в зал – искушение посмотреть, что за сюрприз им приготовили оказалось сильнее, чем естественный позыв.

Тем более из зала раздавались все нарастающие взрывы аплодисментов. Казалось, у аудитории начиналась настоящая истерика. Затем Вера услышала улюлюканье и свист. Она почти бегом подбежала к двери, торопливо открыла и с разгона налетела на голого мужчину, раскачивавшего бронзовыми бедрами в ритме какого-то рок-хита. Вера растерянно огляделась: подобные Аполлоны заполнили весь зал – сцену, проходы, даже в центре возвышались со свободных стульев над входящей в экстаз толпой. Не зная как реагировать, девушка попыталась

найти глазами Ангелину. Но ни её, ни отца Аполлинария, ни санитаров внутри не оказалось. Даже иконы были занавешены, словно можно было таким не хитрым способом спрятать творившееся вокруг от взгляда Господа.

Мужчина резко обернулся и, увидев хорошенькую девушку, застывшую с преглупым видом в проходе, принялся раскачивать достоинством и тереться вокруг неё. Избранная вспыхнула и вылетела из зала. Пунцовая от стыда она неслась по коридору, на ходу вынимая из сумочки номерок.

Но у импровизированного гардероба тоже не оказалось санитаря. Вера мялась с ноги на ногу, выискивая глазами работника. Она стыдилась своей реакции, но в тоже время не могла не прислушиваться к восторженным крикам из зала. Несколько минут девушка оценивала случившееся, вздыхала, краснела и снова прислушивалась. А затем спрятала номерок и тихонько, незаметно вернулась к подругам.

После злокозненной прогулки по городу и набережной в день Большого собрания Веру скосила тяжелейшая из всех, что ей доводилось пережить, простуда. В первое утро девушка проснулась с легкой головной болью, к обеду из носа потекло, а к вечеру поднялась температура.

«Как не кстати!» – сокрушалась она, вспоминая о новых нормах по выработке.

Вера всегда гордилась своей стойкостью к различным хворям. Начальник не раз хвалил, когда она простуженная выходила на работу. В такие дни девушке давали легкие задания в изолированном помещении. Со временем это даже стало отдушиной. Ведь дома все равно позаботиться о ней было некому.

Потому и в этот раз, махнув рукой на здоровье, она не обратилась в медпункт – решила справиться своими силами. Весь вечер девушка попивала кипяток, лежа в кровати. По одному из её любимых телеканалов, шла популярная комедийная передача. В общине в целом самыми рейтинговыми считались именно юмористическо-развлекательные каналы. Одно время все кому не лень начинали собственные трансляции с напыщенными претензиями на сатиру. Но потом, слава Богу, эфир начали просеивать.

Вера пялилась в экран и почти не понимала, о чем идет речь. И дело было не в затейливых шутках. Час от часу ей становилось хуже.

Ночью уставшую и измученную девушку несколько раз заглывал тяжелый беспокойный сон, больше похожий на забытьё. Пережевав сознание, он выплевывал Веру в реальность, где тело крутило и ломало. К утру Избранная едва вставала с кровати. Сильнейший жар валил ее с ног.

С трудом собравшись с ворочающимися будто в клейстере мыслями, она набрала номер Имана и попросила о помощи. Голос ее, тусклый, едва слышный, хриплый, видимо, настолько испугал парня, что тот примчался из соседнего блока спустя каких-то полчаса. Еще через час Вера, едва помня себя, в болезненной усталости, оказалась у дверей Благословенного отделения. Мысли путались, она даже не до конца понимала, где находится.

Дежурный санитар проводил девушку в кабинет доктора Сами и, усадил там на кушетку. Он немного помялся, а потом велел ожидать врача и прикрыл дверь.

Не в силах даже сидеть, Вера легла и тут же вновь провалилась в вязкую беспокойную полудрему. Сложно сказать сколько прошло времени, торопился ли врач или ожидание затянулось, но в какой-то момент девушка услышала, как скрипнула ручка двери.

«Уже скоро!» – проплыло в голове, но всё что Вера смогла, это, не открывая глаз, лишь слегка собраться, прислушаться.

Однако в этот момент с другой стороны не успевшей открыться двери раздался голос Ангелины:

– Постой, Сами! – крикнула она из глубины коридора и вслед за этим донеслось торопливое стучание каблучков по кафелю. Ручка звучно спружинила обратно.

– Девушка слишком слаба, – взволнованно заговорила предводительница Избранных. – Нельзя подвергать её такому стрессу! Сами, ты же понимаешь, она потеряла слишком много крови!

– Семь дней уже прошло. Мы не можем нарушить обычай... – устало возразил доктор. – Порядок церемонии жёстко регламентирован, подумай что будет, если мы его изменим по собственному желанию?!

– Но можно обойтись и вовсе без церемонии... – тихо, неуверенно добавила она, тоном человека, страшащегося отказа.

И тут же быстро выпалила с напором:

– Ребенок здоров, он показал 8 из 10 по Апгар – нужно поднять его в бокс!

Совсем близко послышался звук других шагов, неспешных, тихих, каких-то ленивых. Тем временем доктор Сами терпеливо, но неукоснительно возражал:

– Нет, Гел. Ты знаешь, все тесты указывали на развитие серьезных заболеваний, мы не можем рисковать. Это наш долг! Черт, я понимаю, что ты чувствуешь! Я понимаю, ты хочешь спасти его! Но, Гел, ты забываешь о нуждах тысяч, о цене их жизни!

В разговор вступил третий. Ласковый раскатистый голос выдал отца Аполлинария:

– Я вынужден согласиться с Самой, – важно проговорил он, – Если есть риск, то нужно придерживаться инструкции.

– Инструкции, конечно... – произнесла Ангелина и в голосе ее послышался замешанный на слезах сарказм. – Знаете ли вы, что она придумала ребенку имя? Ммм? Этого уже так давно не случилось! А малыш – у него такая тяга к жизни! Только рассудите, возможно это те, кого мы ищем! Это наш шанс!

– Нет, Гел, прости, но ты пытаешься убедить нас в том, во что сама мечтаешь верить. Не обижайся, но мне кажется, тебе пора... немного отдохнуть от работы... Ты... теряешь хватку.

Послышался раздраженный фырок и вслед за ним быстрый отчетливый стук удаляющихся каблучков.

Вера уже снова проваливалась в забытье, когда дверь, наконец, открылась. Доктор Сами тут же растерянно присвистнул, вызвав в танцующей пелене света за закрытыми веками девушки расплывчатую, карикатурную картинку: поджатые четко очерченные мягкие губы, всегда красные от кипящей внутри энергии; раздувающиеся ноздри длинного, правильного носа; горошины зрачков раскосых зеленых глаз, резко сжавшиеся в бусинки.

Несколько долгих секунд мужчине потребовалось, чтобы собраться с мыслями. Очевидно, доктор и не догадывался, что его поджидает полуживая пациентка.

Наконец, он быстро, плавно подлетел к девушке и в попытке разбудить её, потряс за плечо.

Вера силилась открыть глаза, но свинцовые веки и не думали подниматься. Из груди вырвался тяжелый стон. Сами быстро приложил руку к её лбу и отдернув, что есть мочи заорал:

– Санитар! Быстро сюда!

Топот бегущих ног, возбужденные оклики и переговоры, перезвон металлических инструментов, хлопанье стеклянных дверей, жалищий укол – все словно во сне. Затем от руки по телу мягко разлилось несущее покой тепло и девушка упорхнула в темноту.

«Пип-пип-пип-пип» – жидкий металл сна прорвал настойчивый звук. В образовавшуюся трещину хлынул яркий свет.

Вера лежала на кушетке в маленькой хорошо освещенной комнатке. Окружившие её датчики моргали и пищали, выдавая точные показания. Одна рука была привязана к кровати и из нее торчала игла капельницы, через которую в вену вливалось какое-то лекарство.

Девушка облизала пересохшие губы, вдохнула глубоко, оглядела скучные желтые стены и ровный белый потолок. Смотреть на яркие лампы было больно. Вера скользнула взглядом к металлической кровати, покрывавшему её полосатому тюфяку, идеально белому белью с единственной капелькой крови под локтем. Затем прислушалась к своим ощущениям и, осторожно, медленно спустив поочередно ноги на холодный кафель, встала.

В углу больную ожидали заботливо оставленные колючие войлочные тапки. Используя стойку капельницы, как опору, девушка отправилась на поиски уборной. Эту часть здания она никогда раньше не посещала, но, очевидно, то был скромный больничный блок. Попастъ сюда жители общины могли только по особому указанию. И обычно это не сулило ничего хорошего. Направление в больницу отождествлялось с билетом из общины в одну сторону.

Девушка со школьных лет была убеждена: больные – угроза обществу. Устройство их мира предполагало, что жители все вместе добывают необходимые ресурсы, которые потом распределяются между ними же. За вычетом некоторой части, что отправляется на Большую Землю для обмена на другие блага. Те в свою очередь продаются за баллы (воплощая идею справедливого распределения – ведь работник получает баллы, сообразно важности своей работы). Следовательно, каждый не работающий член общины, напрасно расходует ресурсы. Кроме того, лекарства – один из самых дорогих товаров.

Мысль об этом всегда вызывала у Веры раздражение, ведь она потенциально недоедала из-за таких вот «прогульщиков». Подобное настроение пронизывало все их общество. Больных не любил никто. И со временем, община нашла выход – отсекала лишнее. Совместным решением было принято высылать больных: хронических, тяжелых и просто слабых иммунитетом – часто болеющих. А теперь Вера и сама, как она была убеждена, попала под угрозу.

Длинный узкий коридор казался мрачным, после слепящего света палаты. Вера брела по нему, стучась во все двери – никого не было. Все заперто, вокруг тишина. Лязгая стойкой капельницы девушка дошла до начала коридора, где обнаружила развилку. Избранная прислушалась – ни звука, ни шороха, только в её палате продолжают пищать приборы, да где-то далеко жужжит поврежденная лампа.

Рассудив, что туалет должен быть в укромном месте, девушка решила пойти в меньший из двух открывшихся взгляду коридорчиков.

Стук, толчок двери, стук – толчок. Пусто. По-прежнему никто не отзывался. Вера уже порядком нервничала. Почему её заперли одну в больничном крыле?! Стук – толчок. Она действовала уже чисто механически, не надеясь услышать ответ и едва не упала, когда одна из дверей распахнулась без скрипа. Из открывшегося темного пространства подул холодом, но Вера несказанно обрадовалась. Её напряженный слух уловил приглушенный плач хора.

Большой, но почти неосвещенный холл, очевидно, отделял теплое больничное крыло от уличного холода. Слева сквозь крошечное окошко на серую лестницу, ведущую вверх на второй этаж, падали несколько блёклых закатных лучей. Вера разглядела три двери: две располагались по той же стене, что и та из которой Избранная выпала в вестибюль, а одна, наружная, белела прямоугольником напротив. Не думая о последствиях, девушка толкнула ее, что было сил.

«Аллилуйя!» – рыдал справа хор, облаченный в угольно-черные матовые мантии. Казалось, бархат их поглощал свет. Ни один из вокалистов сегодня не танцевал и не хлопал. Напротив, лица сосредоточенные, напряженные. У Веры мурашки побежали по спине – все до одного выжидательно смотрели на нее.

В этот момент, взметнув вверх вихрь пружинок, переливающийся огнем в свете закатного солнца, к девушке подбежала Ангелина. Она вспорхнула из одного из стоящих справа ровными рядами кресел. Красивое лицо женщины смялось, словно лист бумаги, рисуя криками тревогу, растерянность и испуг. Она резко потянула девушку в сторону. И когда они

достаточно отделились от дверей, Ангелина придвинулась к Вере вплотную и накинула на неё свое пальто. Маленькое, оно едва закрывало плечи.

Главная взволнованно прошептала:

– Зачем ты встала! Тебе нельзя! Такой холод, опасно! Господи...

Подбежал санитар и, аккуратно сняв крошечное, вряд ли спасающее от холода пальто Ангелины, одел на Веру теплый зимний пуховик доходящий до колен. Девушка завернулась в него до ушей и залепетала:

– Я в туалет... а там никого... И...

Санитар вытащил из руки больной иглу капельницы, опустил рукав и молча унес стойку. Главная сочувственно посмотрела на Веру и усадила в кресло.

– Ты понимаешь, что здесь происходит?

Вера осмотрелась. Большую вымощенную брусчаткой площадь она давно знала по ежегодным собраниям Совета, проходящим здесь. Обычно их транслируют на все устройства, способные принять сигнал, показывают в прямом эфире и несколько раз в записи. Кроме того, каждый желающий может посещать их лично и Вера бывала здесь прежде.

По периметру серой, каменной и круглой площади густо росли мощные вековые деревья. Они словно взяли её в плотное кольцо. Ветер с моря трепал кроны почти постоянно, отчего ветви и стволы причудливо изгибались, клонились к земле. Создавалось впечатление, что эти бурые великаны замерли, падая на колени. Обычно зеленая и сочная листва их сейчас словно выгорела в закатном свете, пожухла, как лист гербария.

В центре круга высился черный жертвенник-алтарь, выполненный в виде простого эбонитового параллелепипеда. Его блестящая начищенная и отполированная поверхность сверху имела едва заметное глазу покатое углубление, окруженное десятком крошечных отверстий. От него к дверям здания тянулась черная ковровая дорожка. Ровно посередине на ней стояла большая золоченая чаша, наполненная теплой парящей водой. Позади, в белом парадном облачении, молился, стоя на коленях, отец Аполлинарий. Парадная риза его, расшитая драгоценными камнями и золотыми нитками до того искрилась и блестела на солнце, что глаза начинали болеть. Будто маленькие горящие стрелы, вонзались от них во влажные темные провалы зрачков. Он непрестанно бормотал что-то, касаясь головой брусчатки, рискуя обронить маленькую белую шапочку с вышитым спереди крестом. Массивное золотое распятие, зажатое в левой руке при этом шумно лязгало о камни.

Это сочетание черного с золотом, рождало у Веры мысли о вечном, о душе, о Боге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.